

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ПЛЕМЯ ОГНЯ

16+

Прогрессоры - 2

Юлия Маркова

Племя Огня

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Маркова Ю. В.

Племя Огня / Ю. В. Маркова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1042-7

Второй том приключенческой саги «Прогрессоры». Защитить слабого и позаботиться о ближнем – вот основные принципы Племени Огня. Но можно ли смыть с человека грех людоедства? Какое наказание определить жестокому ребенку? Сложные проблемы приходится решать вождям клана Прогрессоров. Время идет, и приходится бежать наперегонки с осенью, чтобы зима Ледникового периода не стал катастрофой. Но дух человеческий силен – и в каждодневных трудах и заботах крепнет молодое племя, внося залог в будущее грядущих поколений...

ISBN 978-5-5321-1042-7

© Маркова Ю. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

От авторов	6
Вступление	7
Часть 5. Момент солнцестояния	8
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Все лица людей, изображенные на обложке, не принадлежат реальным людям, а получены путем синтеза из нескольких изображений и последующей ретуши, фоновая картинка взята с сайта свободных изображений <https://mirapic.com/https://mirapic.com/wp-content/uploads/2018/07/Wallpaper-of-People-watching-Night-sky.jpg>

Труд этот, Ваня, был страшно громаден
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод название ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.
(Некрасов)

От авторов

Уважаемый читатель! Книга, которую вы держите в руках, является второй частью книжной саги «Прогрессоры» и повествует о жизни тех, кто, добровольно покинув современный мир со всеми его благами, эмигрировал в Каменный Век.

Приступая к работе над этим произведением, мы ставили цель показать, что построение цивилизации в первобытных условиях – нелегкая, но все же реализуемая задача. А также то, что главным двигателем развития общества является труд, и что без него бессильны любые, даже самые прекрасные идеи.

Реальность того времени сурова – тот, кто не вносит свой вклад в благосостояние общества, за исключением детей и стариков, обычно бывает из него изгнан и теряет все, в том числе и право на жизнь.

Кто же такие наши прогрессоры, решившиеся на эту авантюру без возможности вернуться назад, уверенные в том, что они несут благо и себе, и человечеству? Обычные люди – учитель, отставной военный, геолог и медицинский работник. На них лежит огромная ответственность – ведь именно они должны посеять в этом мире «разумное, доброе, вечное». Но это и не совсем обычные люди. У каждого была определенная причина покинуть ту цивилизацию, которая их взрастила. Но самое главное – это то, что все эти люди цельные, честные и с большим жизненным опытом. И хоть об этом и не говорится вслух, но каждый из них втайне надеется, что человечество, находящееся на заре своей юности, теперь, благодаря им, в своем развитии пойдет более прямым путем и не повторит своих ошибок.

Возможно, читатель найдет в этой книге множество подробностей, которые покажутся ему скучными. Тем не менее из таких мелочей и складывается правдоподобность. Нам не хотелось бы уподобляться тем авторам, которым так и хочется сказать: «Не верю!» – когда, например, дом строится сам собой из ничего, а под каждым кустом стоит по экскаватору и по бригаде трудовых мигрантов таджикской национальности. Или как у других авторов, чьи герои то и дело шныряют обратно в наш мир за всем тем, что может понадобиться им в ходе претворения в жизнь их замысла, имея в кармане платиновую кредитку, на которой никогда не кончаются деньги. Нет; все, что требуется для выживания, кроме привезенного с собой самого необходимого минимума, герои этой книги могут добыть только тяжелым и монотонным трудом.

Только проживая вместе с героями день за днем, можно почувствовать ту атмосферу деловой спешки, когда неизвестно, кто победит – приближающаяся Зима ледникового периода или Человек, наперегонки с ней пытающийся построить свой уютный и защищенный мир. Не знают этого и сами прогрессоры, но они уверенно идут вперед, направляя тех, кто вступил в их клан, потому что ни у тех, ни у других нет дороги назад.

В этой книге мы стараемся показать, как, обосновавшись на одном месте, развивается клан Прогрессоров. Ведь не только местные жители, попав в эту новую могущественную человеческую общность, учатся и приобретают разнообразные навыки. Меняются и сами прогрессоры. Рождаются новые обычаи, вырабатываются правила общежития в условиях каменного века. С чем-то приходится смириться, а что-то – полностью искоренить. Зреют грандиозные планы, а вложенные усилия понемногу начинают приносить свои плоды...

И только одно остается неизменным – любовь к людям и стремление к справедливости. Миссия, взятая на себя пришельцами из XXI века, призвана облегчить жизнь первобытных людей, дать им стимул к развитию и показать, что смысл существования человека заключается не столько в каждодневной борьбе за выживание, сколько в поступательном росте всего общества, когда каждое новое поколение живет лучше предыдущего, но человек продолжает быть другому человеку другом и братом, а не хищным волком.

Вступление

И вот настал момент, когда наши герои, а также присоединившаяся к ним троица аборигенов, доплыли до своей Обетованной Земли. Для этого им пришлось обогнуть всю Ледниковую Европу и увидеть то, чего в наше время увидеть уже нельзя. Их захватывающее путешествие завершено и начинается нелегкая работа, ибо построить цивилизацию – это не такой уж простой и безопасный процесс. Героям придется на своей шкуре убедиться, что путь к сияющим вершинам социального и технического прогресса устлан не розами и жемчугами, а тяжелым и нудным трудом, столкновением с неожиданными трудностями и смертельными опасностями.

Часть 5. Момент солнцестояния

1 июля 1-го года Миссии. Суббота. Утро. День сорок шестой. Пристань Дома на Холме

С утра жизнь потекла по уже накатанной колее, и ничего не предвещало того, что этот день в очередной раз разделит жизнь членов клана на «до» и «после». Все как обычно – подъем, зарядка, умывание, завтрак, развод на работы. Пока в береговом лагере Марина Витальевна и прочая женская часть клана готовились к полуденному празднеству в честь летнего солнцестояния, Сергей Петрович повел свою бригаду на лесоповал – продолжать тянуть просеку к будущему дому. Сваленные деревья тут же, на месте, очищали от ветвей, а хлысты без всякой дополнительной обработки вытягивали к стройке и складировали в штабель.

До обеда успели углубиться в лес метров на пятьдесят, оставляя за собой коротенькие пеньки и горы отходов вдоль обочин. Вытаскивать эти, годящиеся только на топливо, ветки и обрезки вершин не хватало ни сил, ни времени, ни рабочих рук.

Много мороки доставил исполинский дуб, вставший на пути просеки. Сантиметров семидесяти в диаметре у основания ствола, он был самым настоящим лесным богатырем, и долго сопротивлялся натиску цепной пилы. Но вот наконец сдался и он. Сергей Петрович уже предвкушал, какие роскошные широкие доски для перекрытия крыши выйдут из этого дуба. Древесина его мелкослойная, твердая, плотная и очень тяжелая. Но возникла одна проблема – УАЗ не мог сдвинуть с места сорокаметровый хлыст даже на первой пониженной передаче. Самую массивную, комлеву часть, пришлось отделять от ствола прямо на месте, на что тоже ушло немало времени.

И вот наконец Марина Витальевна в береговом лагере энергично и весело застучала, зазывая на праздничный обед; и рабочая бригада, собрав инструменты и сложив их в УАЗ, чин чинком направилась на ее зов – частью на машине, а частью пешком. Ляля отвязала лошадь от привязи и повела ее за собой. Жеребенок радостно побежал следом, предчувствуя встречу со своей новой подружкой. Когда все прибыли в береговой лагерь, до полудня оставалось еще полчаса. Как раз хватало времени, чтобы смыть с себя грязь и пот перед дружеским застольем, ополоснувшись в Ближней. Поляна была уже накрыта, а в заводи охлаждалась, дожидаясь своего часа, бутылка армянского коньяка.

Буквально за минуту до полудня, когда Андрей Викторович уже готовился разлить коньяк по стаканчикам, а глава клана собирался произнести праздничную речь, со стороны Дальнего послышались какие-то звуки, похожие на человеческие крики. Там, далеко, кто-то вопил жалобно и обреченно, а кто-то – яростно и победоносно. Собаки, вскочив со своих мест, стали громко лаять в ту сторону, предупреждая хозяев, что на них надвигается опасность. Накрытый стол тут же был забыт, и члены клана, похватав лежащее под рукой оружие, быстро выбрались на береговой откос. Они совершенно не походили на отправившихся на пикник офисных работников, которые игнорируют все предупреждения, пока неприятность сама не свалится им на голову. К тому же их сплотило и закалило длительное путешествие от Ладоги до Южной Франции, и две недели жизни в этих диких и неизведанных местах.

Их взорам открылась следующая картина. Примерно в семистах метрах от них через ручей Дальний вброд в панике перебиралась группа людей. Было их больше десятка. Еще одна яростно улюлюкающая и размахивающая дубинками компания голов в сорок-пятьдесят преследовала беглецов, отстав от них метров на триста, и явно не для того, чтобы, догнав, заключить в объятия. Люди охотились на людей.

Андрей Викторович вскинул к глазам бинокль.

– Так, – сказал он через некоторое время, – удирают бабы и еще пара малых, вроде наших Маринки с Антошкой. А гонятся за ними сплошь здоровенные мужики, причем почему-то негры.

– Угу, – подтвердил Сергей Петрович, тоже рассматривавший погоню в свой бинокль.

– Откуда здесь негры? – удивился Антон Игоревич.

– Отставить философские вопросы! – рявкнул отставной прапорщик, опустив бинокль, – Объявляю наш клан на военном положении. Командовать этим парадом буду я!

– А может... – начала было Марина Витальевна, но тот прервал ее самым решительным образом.

– Нет, не может! – жестко сказал он. – Если эти подойдут к нам вплотную, то они нас просто задавят массой. Антошка, пулей на «Отважный»! Принеси Петровичу оптику, один запасной кукри и подсумки с запасными магазинами. Одна нога здесь, а другая тоже здесь. Бегом марш!

Мальчишка вихрем умчался в сторону «Отважного». Андрей Викторович проводил его взглядом и снова повернулся к товарищам.

– Остальным приготовиться к обороне лагеря, – сказал он, – Петрович, ты у нас с оптикой на мосинке самый дальнбойный. А потому твой рубеж открытия огня – ручей Дальний. Старайся отстреливать задних, чтобы передние как можно дольше ни о чем не догадывались. Геолог, твой рубеж с СКСом – ровно половина дистанции Петровича. Берегите патроны, в смысле старайтесь не промахиваться. Эти твари нужны нам мертвыми. Валера, возьми вторую «Сайгу». Ты у нас будешь ближней обороной – все равно она больше чем на пятьдесят метров не бьет. А девки с Серегой вряд ли успеют выстрелить из арбалетов больше чем по два раза. Гуг, брось свою оглоблю и возьми топор. Пойдешь со мной. В ближнем бою от копья проку мало, а работать топором ты уже научился.

– Куда ты, Андрей? – вскинула голову встревоженная Марина Витальевна.

– Зайду к этим тварям сбоку, – ответил мужчина, принимая у прибежавшего Антона-младшего второй кукри и подсумок с запасными магазинами к «Сайге». Весь его вид выражал спокойную сосредоточенность и готовность вступить в немедленную схватку с врагом. – Ну, товарищи, не пуха! И главное – не бздеть! Гуг, за мной! Это будет славная охота!

Сказав это, он быстрым шагом пошел навстречу приближающейся опасности, забирая сильно влево, чтобы не перекрывать своим товарищам основное направление стрельбы. Чувствовалось, что такие маневры для него – привычное дело, и вообще, он находится в знакомой стихии. Гуг, сжимая в руках остро отточенный топор, двинулся следом.

Сергей Петрович присоединил к мосинке оптический прицел и стал оглядываться в поисках упора для стрельбы. Стрелять с рук из снайперки – это занятие для оптимистов. Ничего подходящего поблизости не было. Тогда он позвал к себе Сергея-младшего и со словами: «Стой ровно и не дергайся» стал укладывать ствол винтовки на плечо своему младшему тезке, прижимая лицо к резиновому наглазнику прицела.

К этому моменту преследуемые добежали до прохода в шиповниковых зарослях. Но в панике они его не заметили и продолжали бежать в сторону стоящих на берегу Ближней членов клана, по какому-то наитию забирая сильно влево, что ничуть не мешало стрельбе. А может быть, просто они не хотели бежать навстречу незнакомым людям, которые замерли в отдалении, выжидая неизвестно чего. Уже и невооруженным глазом было видно, что это уставшие и вымотанные до последней степени женщины и подростки, своей одеждой и внешностью очень похожие на Дару и Мару, когда те впервые повстречались с кланом Прогрессоров.

Их преследователи в это время как раз начали форсировать ручей. Сергей Петрович поймал в прицел бегущего самым последним здоровенного воина, с увязанными в густой конский хвост длинными волосами и, затаив дыхание, надавил на спусковой крючок. Выстрел прозвучал словно щелчок кнута. Воин взмахнул руками и рухнул в воду, подняв фонтан брызг. Пере-

дернуть затвор, прицелиться, выстрелить. Передернуть затвор, прицелиться, выстрелить. На пять патронов первой обоймы удалось уложить троих. Петрович стрелял и удивлялся, что при этом ничего не чувствует. Как в компьютерной стрелялке. Попал – и чувство легкого удовлетворения. Промазал – и ощущение досады. Вторая обойма добавила к числу его жертв еще троих, а третья – четверых. В этот момент к стрельбе подключился и вставший на колено Антон Игоревич. СКС стрелял куда чаще; правда, не так метко.

К тому моменту, когда Андрей Викторович сблизился с охотниками на людей на эффективную дистанцию для стрельбы из «Сайги», тех осталось уже чуть меньше половины – примерно с дюжину. Патроны в его магазинах были заряжены волчьей картечью по двенадцать восьмимиллиметровых свинцовых картечин на выстрел. По групповой цели – самое милое дело. Не надо даже особо целиться – просто направляй ствол в сторону врага и стреляй. Поливает как из шланга. Грохот, вопли, брызги крови во все стороны. Пять выстрелов, перевернуть магазин и еще пять выстрелов – последний уже почти в упор. Времени хватило только забросить «Сайгу» за спину и крест-накрест выхватить из ножен оба мачете-кукри, да рвануться вперед.

Левым лезвием отбить и увести вскользь удар дубинкой, и взмах правым открывает на горле противника еще одну алую глотку. Бывший военный взвинтил темп, и оба лезвия замелькали и засвистели в воздухе подобно пропеллеру. Второй рухнул с распоротым животом, третьему снова досталось в горло. Сзади с хряском, как в свиную тушу, врубился во что-то топор Гуга. Потом снова деревянный стук и еще один хряск. Четвертого, по инерции почти проскочившего мимо, отставной прапорщик на обратном ходе клинка достал режущим ударом в печень, пятый сначала лишился кисти руки с зажатой в ней дубинкой, а потом и головы.

Все, противники кончились, и время опять потекло в своем обычном темпе. Наступила тишина – ни выстрелов, ни криков. Было слышно лишь, как сзади тяжело дышит Гуг. Поле перед было покрыто мертвыми телами, где погуще, а где пореже. Последние трое, не отвлекшиеся в его сторону и продолжавшие бежать прямо, были застрелены из арбалетов метрах в шестидесяти от стоящих у берега членов клана Прогрессоров. До Валериной «Сайги» дело так и не дошло.

Убедившись, что с Гугом тоже все в порядке, и стряхнув со лба пот, Андрей Викторович пошел наводить контроль в тех случаях, когда у него были сомнения в том, что враг окончательно мертв. Картечь, даже в упор, не убивает наповал, да и те двое с распоротой печенью и выпущенными кишками еще цеплялись за жизнь. Ничего личного, просто профессиональная привычка.

Двинулись вперед на смертное поле и остальные двое мужчин вместе с Сергеем-младшим, а за ними и все, кроме Ляли, оставшейся с ребяташками, которым незачем было смотреть на все это непотребство. Чуть в стороне, метрах в ста, обессилено опустились на землю давешние беглецы. Они уже не представляли себе, куда и зачем им бежать. Инстинкт самосохранения гнал их вперед, пока были силы, и за спиной улюлюкала погоня. Теперь все кончено, а те, кто за ними гнался, мертвы. Люди же, которые их перебили, ходят по лугу среди трупов, перекликаясь непонятными птичьими голосами.

– Ну что, командир, – сказал геолог, – повоевали?

– Повоевали, – удовлетворенно хмыкнув, ответил Андрей Викторович, – и неплохо повоевали! Моих в рукопашной пятеро, да еще Гуг двоих отоварил топором. Теперь можно и начать разбираться в обстановке, но сперва...

Он перевел взгляд на Гуга.

– Так, товарищи, – торжественно произнес старший прапорщик, – за проявленное в бою мужество и героизм предлагаю принять кандидата Гуга в действительные члены Клана. Возражения будут?

Возражений не было, и он вручил юноше запасной кукри, который принес ему Антошка. Сам Гуг не понял и половины из того, что было сказано, но, получив в руки знак принадлежности к клану, осознал важность происходящего. Его оценили и возвели в более высокий ранг – это было ясно. Вскинув двумя руками кукри в ножнах над головой, он издал пронзительный охотничий клич своего народа.

– Значит так, Гуг, – улыбнувшись, сказал Андрей Викторович, – ты или твои соплеменники встречали когда-нибудь таких вот людей?

– Гуг никогда не встречать такой черный урод, и ничего об этом не слышать, – ответил тот удивительно длинной фразой.

– Не такие уж они и черные, – заметил учитель, разглядывая ближайший к нему труп, – скорее, светло-кофейные. И на негров они похожи весьма отдаленно. Какая-то переходная форма, уже частично адаптированная к европейским условиям.

– В принципе, неважно, негры они или еще какие мутанты, – отмахнулся его коллега, – сейчас важно понять – кто они такие, откуда взялись и почему гонялись с дубинками за несчастными бабами и ребятишками.

– Товарищ старший прапорщик, – сказал Петрович, – тут у нас под боком целая группа свидетелей и потерпевших. Быть может, Гуг и его сестры понимают их язык? Главное, чтобы они с перепугу не стали удирать еще и от нас.

– Спасибо, Петрович, – сказал тот, – ты настоящий друг. А чтобы они не убежали, пошлем к нимнаших близняшек. Они вроде не такие страшные, как мы, мужики, и может быть, сумеют уговорить их познакомиться с нами поближе. А для контроля пошлем с ними нашу Лизу.

Он нашел взглядом Дару и Мару.

– Так, солнышки, – сказал он, – идите сюда. Ступайте к тем женщинам и скажите им, чтобы они подошли к нам. Мы не причиним им зла, просто хотим узнать, почему за ними гонялись эти обалдуи. Поняли? Повторите.

– Женщина идти сюда, – немного замямвшись и тщательно подбирая слова, произнесла Мара. – Зло нет. Хотеть поговорить.

– Умница, – улыбнулся отставной прапорщик, – если бы у вас уже не было мужа, то я бы обязательно на вас женился. Идите. И ты, Лиза, тоже вместе с ними.

Когда те ушли, он внимательно посмотрел на Сергея-младшего.

– Серега, – сказал он, – возьми свою Катю и сходи с ней до ручья, разведайте там обстановку, а заодно проведи сеанс эвтаназии для тех, кого подстрелили Петрович с Игоревичем, если, конечно, они еще живы. И поосторожней там – если что не так, сразу отходите. Главное, не рискуйте – ты работаешь, Катя с арбалетом страшует.

– А может, не стоит так жестоко? – спросила Марина Витальевна.

– Стоит, Марина, стоит. Тут нет ни милиции, ни ФСБ, ни прокуратуры, а эти твари, как я понимаю, куда хуже наших обычных уличных гопников. И если что-то пойдет не так, о нас никто ничего и не вспомнит. Поэтому тот, кто рискнул вступить с нами в конфликт, не должен прожить настолько долго, чтобы успеть еще кому-то об этом рассказать. У нас или будут только добрые соседи, или совсем никаких. Пока клан на военном положении и не окончательно не устранены все внешние угрозы, команду тут я. Понятно?

– Понятно, Андрей, – вздохнула женщина, – но все же не хотелось бы начинать нашу жизнь здесь с жестокости...

– Не мы это начали, Марина, – поддержал коллегу Сергей Петрович, – налицо состояние необходимой обороны, не ограниченное никакими законами. Андрей на своем месте совершенно прав. Он просто обеспечивает нашу безопасность, и не стоит его учить, как это делать. Он же не учит тебя, как лечить людей, Антона – как искать руду, а меня – как строить из дерева дома или корабли.

– Ладно, мальчики, – работница медицины махнула рукой, – делайте как знаете.

Тем временем Лиза и близняшки медленно и осторожно подошли к сидящим на земле беглянкам. Еще издали Дара замахала рукой и выкрикнула пожелание доброго здоровья на диалекте северных равнин, впрочем, вполне понятном и здесь, далеко на юге. Слова звучали с непривычным акцентом, но узнаваемо. Вскочившие на ноги женщины, порывавшиеся было снова убежать, в сомнении замерли на месте. Если вас хотят убить, то не посылают навстречу женщин, и не начинают разговор с пожеланий здоровья. В эти бесхитростные времена такое еще было не принято.

Одна из беглянок, чуть постарше возрастом, сделала шаг навстречу девушкам.

– И вам долгого здоровья, странные чужаки, говорящие со мной языком северных равнин, – сказала она, вскинув голову. – Что вы хотите от несчастных женщин, чей клан полностью уничтожен.

– Она желают нам здоровья, – перевела Дара. – Их клан больше нет.

– Спроси у нее, – сказала Лиза, – кто они такие, и почему их клана больше нет?

– Кто вы, и почему уничтожен ваш клан? – перевела та.

– Я Фэра, – ответила старшая из беглянок, – Мудрая Женщина клана Лани, – по ее лицу пробежала тень, – бывшего клана Лани... Сегодня утром на нашу стоянку напали людоеды с далекого юга. Их было много, очень много. Мужчины остались сражаться и приказали нам, женщинам, убегать. Многих людоеды поймали, мы остались последние.

– Ее звать Фэра, – сказала Дара. – Она Мудрая Женщина клан Лани. Этот клан больше нет. На них напасть те, кто едят человек.

– Людоеды? – переспросила Лиза, внутренне содрогаясь.

– Да, – сказала девушка, – это правильное слово. Людоед. Они здесь, других людоед поймать.

– Скажи им, – сказала Лиза, разглядывая этих людей с выражением сострадания, – что мы сочувствуем их горю. Скажи, что им надо обязательно пойти и говорить с нашими вождями.

– Я Дара, а это моя сестра Мара и друг Лиза, – представилась Дара и начала переводить сказанные Лизой слова. – Наш клан разделяет ваше горе. Вы должны встретиться с вождями нашего клана. Они вас ждут. Это важно.

– Фэра, а может, нам опять убежать? – спросила одна из женщин, с опасением поглядывая на стоящих чуть поодаль вождей клана Прогрессоров. – Эти люди могут убить нас так же, как убили наших врагов. А вдруг они убивают всех чужих?

– Не говори глупостей, Рана, – спокойно сказала Мудрая Женщина, – если бы они хотели нас убить, то мы были бы уже мертвы. Ты же видела, как хорошо эти люди умеют убивать своим громом на большом расстоянии. Да и куда бежать нам, женщинам, потерявшим свой клан? Кто примет нас и уцелевших детей к себе, даст место у костра и долю от добычи?

– Не бойтесь, – затараторила Дара, прекрасно понявшая этот короткий диалог, – наши вожди добрые. Мы с сестрой и братом были изгнанниками там, на северных равнинах. Вскоре наш брат был тяжело ранен, и смерть уже смотрела нам всем в лицо. Этот клан просто проходил мимо по своим делам. Его мужчины и женщины разогнали окруживших нас шакалов, потом приняли нас всех к себе, а их Мудрая Женщина вылечила нашего раненого брата, и сегодня он дрался с людоедами наравне с нашим Главным Охотником, – она перевела дух, наблюдая за произведенным эффектом – удивление, недоверие и надежда явственно читались на лицах этих женщин. С еще более выразительной интонацией девушка продолжила:

– В нашем клане храбрые, ловкие и умелые мужчины, добрые женщины, умные вожди и всегда есть хорошая пища, и достаточно шкур для одежды. Даже мальчик этого клана, еще не ставший мужчиной, способен добыть еды больше, чем это под силу обычному охотнику...

– Вы все трое очень молоды, – со скепсисом в голосе сказала Фэра, быстро переводя внимательный взгляд своих умных глаз с одной девушки на другую, – а все сказанное вами звучит как сказка. Трудно поверить.

Но ей очень хотелось в это верить. Как любой человек, оказавшийся в безнадежном положении, она была готова уцепиться за любой шанс.

– Мы все взрослые женщины, – вскинула голову Дара, – и у всех у нас есть свои постоянные мужчины. Скажи, Мудрая, легко ли поверить, что одна рука мужчин клана и еще один сумели перебить две руки рук своих врагов, и при этом никто из них не был даже ранен? А ведь это ты видела своими глазами.

– Да, Дара, – кивнула Фэра, – действительно, я это видела своими глазами, – она помолчала. – Последний вопрос. Эта женщина, которая вместе с вами – кто она, и почему так непохожа на нас?

При этом и она, и ее товарки откровенно разглядывали Лизу, изрядно дивясь ее странной внешности. Та же стояла с выпрямленной спиной, положив руки на бедра, глядя на женщин ласково и приветливо.

– Она Лиза, женщина Главного охотника, – сказала Дара, – сейчас она тут главная, и говорит моим ртом о мире и дружбе. Она из далеких мест, где живут люди, похожие на нее.

– Хорошо, Дара, – кивнула Фэра, приняв наконец решение, – скажи женщине вашего Главного Охотника, что мы идем говорить с вашими вождями.

– Они идти, – коротко сказала Дара.

– Очень хорошо, – ответила та и, одарив женщин улыбкой, спросила переводчицу, – а о чем вы так долго разговаривали?

– Они бояться, – сказала Дара, – они думать, что наш клан их убить. Я сказать, что наш клан не убить их, наш вождь добрый, а мужчина добывать много хороший еда. Они перестать бояться и идти.

– Краткое содержание предыдущих серий, – хохотнула Лиза. – Ну что, пойдете, что ли...

Женщины шли не спеша – видимо, погоня вымотала их всех все силы. Лиза, увидевшая, что молодая женщина, несущая на руках трехлетнего малыша, едва переставляет ноги от усталости, подошла к ней и решительно забрала ребенка к себе. Она подумала, что это просто уму непостижимо, как та вообще могла бежать, держа на руках этого крепкого карапуза. Малыш, попав на руки к незнакомой тете, собрался было заплакать, но передумал и, сунув в рот грязный палец, начал с увлечением его сосать; и так, не выпуская его изо рта, он и просидел на руках у Лизы, пока они не достигли лагеря. Марина Витальевна от этого зрелища всплеснула руками, и вид у нее был такой, будто ее вот-вот хватит инфаркт.

– Разрешите доложить, товарищ старший прапорщик, – отрапортовала Лиза, предварительно опустив карапуза на землю, – женщины клана Лани, в количестве двенадцати человек, для переговоров доставлены.

– Хорошо, Лиза, – кивнул тот, – и не надо так официально. Ты выяснила, почему на них напали те люди и кто они такие?

– Это людоеды, Андрей! – вырвалось у Лизы. Ее вновь передернуло и она, волнуясь, стала выкладывать то, что удалось выяснить. – Сегодня утром они напали на стоянку клана Лани. Их мужчины остались сражаться, а женщины и дети бежали. Сюда удалось добраться только самым сильным. Остальных догнали и убили, или захватили в плен. Теперь им просто некуда идти.

– Ну и дела! – сказал Андрей Викторович и посмотрел на Сергея Петровича. – Значит, людоеды?

– Не исключено, – сухо сказал тот, – по некоторым данным, каннибализм в это время был довольно распространенным явлением. Меня сразу насторожило то, что эти афропитеки были

вооружены только дубинками – оружием, малопригодным для охоты на нормального зверя. Скорее всего, их главной добычей были какие-то малоподвижные на суше стадные животные – тюлени или пингвины – которых можно окружить и избивать дубинками. Паразитируя на этом дармовом ресурсе, племя могло сильно размножиться, а когда он иссяк – то пуститься во все тяжкие.

– Откуда тут, в Европе, пингвины? – удивилась Марина Витальевна. – Петрович, тебе часом полуденное солнце голову не напекло?

– Ошибаешься, Марина, – усмехнувшись, ответил тот, – изображения пингвинов были обнаружены подводными археологами в одной затопленной ныне пещере на средиземноморском побережье Франции. Если в наше время пингвины сохранились только в Антарктиде – так это, может, только потому, что там до них не добрались такие вот оглоеды со своими дубинами.

– Товарищи, – громко сказал Андрей Викторович, – пингвиний вопрос для нас сейчас не актуален. В конце концов, мы тут не Гринпис. Людоеды по соседству нам нужны только в мертвом виде. Предлагаю организовать спасательно-карательный рейд. Всех, кого можно, спасти, а остальных покарать, чтоб не встали – не будь я старший прапорщик Орлов.

– Кто этот человек и что он говорит? – тихо спросила Фэра у Дары.

– Это Главный Охотник, Андрей Вик-тору-орыч, мужчина Лизы, – так же тихо, и с оттенком благоговения, произнесла та, – он говорит, что хочет пойти и спасти тех людей твоего клана, кто еще жив, а всех людоедов сделать мертвыми.

– Так! – сказал Андрей Викторович, заметивший это шушуканье. – Дара, солнышко, о чем ты там шепчешься с этой женщиной?

– Это Фэра, – ответила девушка, – Мудрая Женщина клана Лани. Она главный у тех, кто бежал. Я говорить ей твои слова.

– Очень приятно, – сказал отставной прапорщик, смерив Фэру пытливым взглядом, – Дара, спроси у нее, где и как далеко отсюда была расположена их стоянка.

– Главный Охотник говорит, что рад тебя видеть, – последовал перевод, – он спрашивает, где и насколько далеко отсюда находилось ваше стойбище?

– Ответь этому храброму мужчине, – сказала Фэра, которая тоже внимательно разглядывала стоящих перед ней странных людей, а заодно кидая быстрые взгляды вокруг, – что наше стойбище находилось на самом берегу реки у впадения в нее небольшой речки. Там мы ловили рыбу. Как далеко отсюда, я не знаю – быть может, полдня пути, быть может, меньше, быть может, больше. Мы бежали оттуда так быстро, как могли.

Дара перевела.

– Так... – сказал Андрей Викторович, – полдня пути – это примерно десять-пятнадцать километров. Если ехать на УАЗе, то доберемся туда примерно за час.

– Погоди, Андрей, – остановил его Петрович, – прежде чем мы отправимся карать и миловать, надо решить вопрос, что нам, в конце концов, делать с этими женщинами?

– Если их клан уничтожен и им некуда идти, – ответил тот, – то милости просим их к нашему очагу. Гуг, Дара и Мара прижились, и эти приживутся. Если, конечно, они сами этого захотят. Но только, чур, не пицать! Ты же это хотел предложить?

– В общем, да, – сказал Сергей Петрович, – но я хотел бы провести это общим решением Совета Вождей.

– Я за! – сказала Марина Витальевна. – Не бросать же этих несчастных на произвол судьбы. Не по-нашему это будет, не по-русски...

Эта суровая с виду женщина на самом деле обладала чувствительной и сентиментальной душой, и жалела всех сирых и убогих, стремясь всем помочь. Иногда она казалась даже грубоватой, но это была лишь маскировка, выработанная в непростых жизненных ситуациях.

– Я тоже за, – сказал ее супруг. – Хотелось бы еще крепких мужиков вроде Гуга... – он усмехнулся, оглядывая пополнение – эти женщин с детьми, таких жалких и напуганных, затем со вздохом произнес: – Но я понимаю, что надо брать то, что дают.

– Дара, – сказал Сергей Петрович, – спроси у этих женщин, хотят ли они жить в нашем клане? Они должны будут спать там, где их положат, есть то, что едят все, и делать то, что им прикажут.

– Нам вождь и шаман Петрович, – последовал перевод, – спрашивает вас, хотите ли вы жить в нашем клане? Вам придется жить как все, и делать, что скажут вожди. Тут очень необычные порядки, и сначала вам может быть трудно делать непонятные вещи. Например, мыться с мылом в реке каждый день, копать землю и бросать в нее плоды, резать речной тростник и плести из него ма-ты, учить великий и могучий язык клана, чтобы не разговаривать моим ртом. Но нашим вождям служат могучие духи, и потом вы поймете, что так и было надо, – тут Дара сделала многозначительную паузу, обводя женщин взглядом, исполненным важности и осознания всех преимуществ, которые дает членство в клане, – Решайте.

Да уж, в роли переводчицы она была хороша. Все свои слова она подкрепляла мимикой и очень эффектно модулировала голос в зависимости от произносимых слов. Когда она «работала», на нее было любо-дорого смотреть. Весь ее темперамент явственно отражался в ее жестике – можно сказать, что все ее тело участвовало в процессе, даже рыжие кудряшки выразительно вздрагивали во время ее речи. Только истинные дети природы могут быть столь непосредственны...

– А разве у потерявших свой клан есть какой-нибудь выбор? – сказала Фэра с оттенком горечи. – Иначе только смерть. Как старшая среди женщин, я решаю за всех, – она вскинула голову, – скажи своему вождю, что мы согласны.

– Они согласна, – сказала Дара, сделав рукой характерный жест, словно подгребая воздух к своей груди, – они будут делать все, как я и Мара.

– Ладно, решение принято! – сказал Андрей Викторович, оглядываясь вокруг. – Полчаса на сборы и чистку оружия – и вперед. На дело пойдем я, Петрович, Сергей с Катей, Лиза, Гуг и Дара в качестве переводчика. Антон, одолжишь опять мне свой СКС?

– Конечно, одолжу, – сказал тот, – тебе он нужнее. Оставишь мне свою Сайгу?

– Возьмешь ту, которая у Валерки. Нам лишний ствол тоже не помеха. Жаль, пулемета нет – недосмотрел Петрович, – сказал Андрей Викторович и почесал в затылке. – Еще нам желателен проводник, чтобы мы не плутали. Дара, спроси у этих женщин, кто из них сможет поехать с нами к их стоянке?

Дара спросила, и после некоторой заминки Фэра вытолкнула вперед худенькую девушку с голубыми глазами и длинными волосами цвета спелой пшеницы.

– Это Себа, – сказала она, – она пойдет с вами и покажет дорогу.

Дара перевела, и Андрей Викторович кивнул – Себа так Себа.

* * *

13:05. Пристань у Дома на Холме

Когда мотор УАЗа неожиданно чихнул, плюнул сизым дымом из выхлопной трубы и заурчал, женщины из бывшего клана Лани в испуге с визгом бросились врассыпную. В этот момент машина показалась им проснувшимся зверем, голодным и ужасным.

– Не убегайте, – крикнула Дара, – тут нет ничего опасного.

– Глупые женщины, – с мужским пренебрежением к слабому полу, вслед за сестрой прокричал Гуг, – это не страшный зверь, а машина, в нашем клане на ней ездят люди и возят тяжелое.

Андрей Викторович же только пожал плечами, ожидая, пока уляжется переполох. Ничего другого он в принципе и не ожидал. Но не идти же из-за этого пешком.

Наконец суета утихла, опасливо поглядывающие на УАЗ беглянки вернулись к лагерю и вытолкнули из своих рядов обмершую от ужаса Себу. Она была похожа на испуганную кошку – глаза круглые, волосы растрепанные, плечи нервно подрагивают. Однако она, похоже, даже и не думала противиться своей судьбе и делала покорно все, что велют.

Можно было отправляться в путь.

Физрук сел за руль, коллега рядом. Остальные загрузились в кузов, Себа и Дара – стоя на коленях и удерживаясь руками за водительское и пассажирское сиденье, Гуг и Лиза – свесив ноги за борт и держась руками за раму, Сергей-младший и Катя – свесив ноги через задний борт. Езда в таком виде – это еще тот цирк, любой гаишник, увидев такое, умер бы от удушья, поперхнувшись проглоченным свистком. Но, гаишников в округе не наблюдалось, а потому поехали.

Отставной прапорщик старался не гнать – первая, на особо ровных участках максимум вторая передача. Дорог тут все равно нет, одни лишь направления. Дальний форсировали вброд там, где его пересекали беглянки. Тем, кто ехал, свесив ноги вбок и назад, пришлось их поднять, чтобы не замочить. Дальше пошли земли, на которых разведчики клана пока еще не бывали за ненадобностью. В принципе, путь, по которому бежали сперва беглянки, а потом преследователи, был хорошо заметен по вытоптанной траве. Андрей Викторович даже подумал, что напрасно взял с собой отчаянно взвизгивающую на каждом бугорке Себу. Но что сделано, то сделано. Возможно, и она еще на что-то пригодится – как в той сказке про Ивана-царевича.

Километрах в пяти за Дальним наткнулись на лежащую лицом вниз молодую женщину с разбитым дубинкой затылком, из которого все еще сочилась кровь. Андрей Викторович остановил машину и спрыгнул на землю.

– Жива, – сделал он вывод, пощупав жилку на шее, – но если пробит череп, то вряд ли протянет долго. Хотя кто его знает, может, удар прошел вскользь...

Раненую отнесли в сторону от тропы и уложили под кустом, заклеив рану марлевым тампоном. Еще километра через два наткнулись на труп девушки, почти ребенка. Перелом основания черепа и раздробление шейных позвонков. Еще примерно через километр нашли два лежащих рядом тела двух детей семи-восьми лет, забитых дубинками. Андрей Викторович еще раз пожалел об отсутствии пулемета и пообещал сам себе, что устроит такой «вихрь-антитеррор», что все черти повылазят из ада и примчатся перенимать опыт. Дальше все было чисто. Очевидно, схваченных беглецов или тела убитых уже отвели или отнесли на захваченную людоедами стоянку клана Лани.

Вскоре впереди показались дымки костров. Метрах в восьмистах от стоянки на заросшем кустами берегу небольшого ручейка, машина остановилась. Мотор заглох – и Себа наконец выдохнула. Велев молодежи сидеть тихо и не отвешивать, мужчины вышли из машины и перейдя ручей, в котором не замочила бы ног и курица-подросток, принялись рассматривать в бинокли место будущего сражения.

По стоянке, состоящей из пары десятков крытых шкурами конусовидных шатров-типи, беспорядочно бродило изрядное количество соплеменников тех уродов, что были убиты неподалеку от лагеря клана Прогрессоров (шестьдесят-семьдесят человек). Очевидно, там полегла основная ударная сила этого племени, потому что на стоянке насчитывалось не более десяти мужчин боеспособного возраста. Остальные же были женщинами и подростками обоих полов.

– Ну что, Андрей, – спросил учитель, – какие планы? На то, чтобы пойти и завалить там всех, нас банально не хватит. А на близкой дистанции они нас просто задавят массой.

– Сам вижу, – ответил тот, не отрываясь от бинокля, – надо хотя бы частично выманить их оттуда в чисто поле. Хотя, Петрович, ты посмотри, как их мужики мордуют – своих же баб! Мачизм стопроцентной концентрации, – он нахмурился.

– Точно! И как они только не разбежались от такой жизни? – сказал Сергей Петрович, наблюдая, как высокий и худой тип кулаками «учит уму-разуму» нескольких стоящих перед ним на коленях женщин.

– А куда им бежать-то? – хмыкнул коллега. – Сам же знаешь, что у местных изгнание – это что-то вроде смертной казни. Одиночки тут не выживают. Единственная надежда изгнанника – что его или ее примет какой-то другой клан. А на этих, из-за репутации их племени, местные будут охотиться как на диких зверей.

– Может быть, и так, – задумчиво произнес Петрович, – но ты же понимаешь, что пока все это только наши с тобой домыслы. Просто ты и я – не те люди, что могут хладнокровно убивать беззащитных женщин. Вот мы и придумываем себе оправдания для того, чтобы оставить их в живых.

– Возможно... Но если эти бабы бросятся на меня с дубинами или с визгом кинутся врассыпную спасаться, то после того что я видел, моя рука не дрогнет. Если же они упадут на землю и прикроют головы руками, то тогда извини – не смогу.

– Если ты не сможешь, то я тем более. Но мы с тобой заболтались как два интеллигента. Надо уже что-то решать.

– А что тут решать? – удивился Андрей Викторович. – Валим всех, кто попытается оказать сопротивление или скрыться. А потом разбираемся с оставшимися. Разбираемся в прямом смысле, а не по методу милейшего капитана Флинта. Живыми они от нас точно не уйдут.

– Постой, Андрей... Ты что, и этих тоже собираешься принять в наш клан? Если все пройдет, как ты предполагаешь, их же окажется вдвое больше, чем нас с женщинами клана Лани вместе взятых. Передушат нас как-нибудь ночью как котят, и все.

– Придумаешь какую-нибудь колдовскую заморочку с перемешиванием крови, – усмехнулся физрук, – ты же у нас шаман, а местные, они такие суеверные.

– Ладно, – согласился тот, – я попробую. Альтернатива выглядит куда более отвратительной.

– А теперь все, хватит болтать. Сейчас надо выманить часть этой банды сюда.

– Чем, точнее кем, будем выманивать?

– А Себа у нас на что? – ответил отставной прапорщик, радуясь возникшей у него в голове идее. – Натянем поперек тропы буксировочный трос, которым мы тягали бревна, и, чтобы не поднимать раньше времени шухера, попробуем обойтись без огнестрела – будем действовать арбалетами и клинками. Главное, чтобы девчонка держала себя в руках и не бросилась удирать раньше времени.

– Ладно, – сказал Петрович, которому идея коллеги пришлась весьма по душе, – пошли уговаривать эту Себу. Что-то мне говорит, что она отчаянная трусиха, и уговорить ее будет непросто.

Плачущую Себу уговаривали чуть ли не четверть часа, но все же уломали. Последним аргументом послужили несколько веток кустов, с палец толщиной, которые бывший военный без особой натуги срубил своим кукри и пояснил, что так будет с каждым, кто попробует тронуть ее хоть пальцем. Аргумент сработал, и девушка согласилась побыть живой приманкой. Еще четверть часа ушла на подготовку засады. Сергей Петрович, Сергей-младший, Катя и Лиза вооружились взведенными арбалетами, Андрей Викторович снова вынул пару кукри, а Гуг взялся за свой топор. С его силой в местных условиях это вообще была вундервафля. Да и владел он им вполне прилично.

* * *

14:25. берег Гаронны, 14 километров вверх по течению от Дома на Холме

Все вышло как и задумывалось. И даже лучше. Когда Себа выскочила из кустов и закричала, привлекая к себе внимание, в ее сторону направились не только мужчины, но и большинство мальчишек-подростков, которым тоже, видимо, захотелось принять участие в забаве. Для того чтобы пробежать восемьсот метров, нужно минут пять. За это время можно сделать много полезного. Например, натянуть трос, завести УАЗ и не спеша встать по номерам.

Ослепленная охотничьим азартом погоня вломила в кусты, словно стадо бизонов. Первая пятерка, запнувшись о коварную придумку, кубарем полетела на землю, где попала под беспощадные удары Андрея Викторовича и Гуга. Еще четверым достались стрелы из арбалетов. Все произошло так быстро, что никто даже не успел испугаться. Подростки отставали от головной группы метров на семьдесят и некоторое время по инерции бежали вперед. Поскольку, пересекая ручей, тропа делала поворот, то понять, что что-то не так, можно было только приблизившись к кустам вплотную. Взревел мотор, и, раздвигая ветви кустов, прямо перед ними, словно невиданное исчадие ада, выскочил облепленный людьми УАЗ, наводя трепет и панику.

Выведя машину на ровное место и ударив по тормозам, Андрей Викторович взялся за СКС. Рядом стрелял из мосинки Петрович. Несколько раз бахнула «Сайга» Сергея-младшего, по разу выстрелили из арбалетов девушки. Тридцать метров – это не дистанция для стрельбы, и мальчишки даже не успели обратиться в бегство. Погоня превратилась в бойню.

Закончив избиение, старший прапорщик загнал в СКС свежую обойму, и, крикнув: «Держитесь!», надавил на газ и отпустил сцепление. Подпрыгивая на кочках, машина понеслась вперед. Несомненно, она внушала людоедам беспредельный ужас. Долговязый тип на захваченной стоянке клана Лани, вместе со своим толстеньким низеньким помощником заматались, закричали, замахали руками, но тут произошло нечто невероятное. Те самые женщины и девочки его же племени, которых он «воспитывал» при помощи кулаков, вдруг вскочили с земли, навалились толпой, не обращая внимания на удары дубинкой, и начали терзать своего мучителя и его помощника зубами и ногтями. Кроме того, на стоянке происходила еще какая-то возня, но подробностей разглядеть не удавалось.

– Офигеть! – сказал главный прогрессор, сжимая в руках «мосинку» и подпрыгивая на сидении вместе со скачущим по кочкам УАЗом. – Революция в Каннибалии! Импичмент по-африкански. А мы с тобой, Андрей, мучились, думали, что с ними делать.

– Рано радуешься, Петрович, – сжав зубы, ответил его друг, – пока не ясно, что там эти фурии еще натворили. Если они порешили пленных, то я сам, собственной рукой, пушу их всех в расход.

Эта кровавая вакханалия продолжалась чуть больше двух минут, пока УАЗ ехал от ручья к стойбищу. Удар по тормозам, длинный гудок клаксона; Андрей Викторович ставит передачу на нейтралку и соскакивает на землю, держа СКС наизготовку. Слева от него оказывается Гуг с топором, а за спиной Лиза с арбалетом. С другой стороны машины спрыгивает вниз Петрович, Сергей-младший и Катя. Парень делает два выстрела из «Сайги» поверх голов, картечь с визгом рассекает воздух. И тишина. Полуафриканки, прекратив драку, распростерлись на земле плашмя. Одну, попытавшуюся было с визгом бежать, свои же схватили за ноги, повалили на землю и прижали, чтоб не дергалась.

Петрович сделал шаг вперед и осмотрелся. Зрелище было не для слабонервных. Повсюду валялись растерзанные в порыве неистовой ярости тела полуафриканцев – мальчиков и мужчин. На кострах жарились ужасная людоедская трапеза, а рядом валялись разделанные части тел. В основном это были люди с белой кожей, скорее всего, охотники клана Лани, павшие

при обороне стойбища. Но рядом лежали разрубленные на части тела и полуафриканцев. Свои потери у людоедов тоже шли в котел.

Это место было опоганено.

Чуть в стороне от общей кутерьмы на земле ничком лежали связанные по рукам и ногам женщины, подростки и дети клана Лани. Своеобразные живые консервы. Но и среди них Петрович тоже увидел четыре тела с кофейно-смуглой кожей. Было понятно, что женщины в этом племени низведены до положения рабочей скотины и пищевого ресурса. И еще что поразило вождя клана Прогрессоров – ни среди убитых мальчиков, ни среди валяющихся рядом со своими старшими товарками полуафриканских девочек не было ни одного ребенка моложе десяти лет.

Петрович бегло пересчитал распростертых ниц полуафриканок. Вышло, что их было от тридцати до сорока человек. С учетом того, сколько их клан сегодня истребил мужчин этого племени, у Петровича получилось, что соотношение полов в нем было три к одному в пользу мужчин. В то время как в других племенах (ему было известно это сначала от близняшек, а потом от Фэры) соотношение составляло примерно один к двум – один к полутора в пользу женщин. Племя людоедов, страдая от хронического недостатка пищевого ресурса, очевидно, с недавних пор практиковало повальное детоубийство и, пожирая само себя, вскоре должно было исчезнуть с лица земли естественным путем.

Катю вдруг согнуло и она тяжело и с надрывом начала блевать. Остальные держались; Гуг был потрясен, но старался этого не показывать, Дара прикрыла ладонью рот, а Себа, совсем еще ребенок, увидев весь этот ужас, упала в обморок. Петровичу тоже было мерзко и противно, но он сдерживал себя, стараясь мыслить логически. Коллега был куда более категоричен.

– Ну что, Петрович, – сказал он, поводя из стороны в сторону стволом СКСа, – и эту стаю бешеных гиен мы собирались принять в наш клан? Перестрелять их – и дело с концом.

– Не кипишись, Андрей, – сказал учитель, не прекращая мучительно размышлять, – давай начнем с того, что развяжем пленных.

– Рядовой Гуг, – рявкнул тот, – слышал, что сказал Петрович? Развязать пленных, но сперва связать руки всем этим черным бабам. А то у меня на душе что-то беспокойно. Серега – прикрывай его. Лиза – приведи в чувство Себу, она нам сейчас понадобится. Дара – ко мне!

– Чем связать, вождь? – недоумевающее спросил Гуг. – Веревка нет.

– Катя, – уже тише сказал Андрей Викторович, – проблевалась? Ничего, девочка, это не стыдно, такое и со здоровыми мужиками бывает. А теперь иди и посмотри у меня в бардачке моток скотча. Как знал, таскал с собой повсюду. Будешь вместе с Гугом и Серегой вязать лапки этим цацам.

Утирая ладонью рот, Катя побрела к машине и вскоре вернулась с большим мотком широкого строительного скотча. Гуг заворачивал лежащим полуафриканкам руки за спину, а Катя, уже немного пришедшая в себя, стараясь не смотреть по сторонам, перехватывала их запястья двумя оборотами скотча. Никто и не думал шевелиться, безумная ярость перешла в полную апатию.

* * *

15:05. стоянка клана Лани, берег Гаронны, 15 километров вверх по течению от Дома на Холме

– Половина дела сделано, – сказал командир, когда операция по связыванию пленных была закончена. – Приступаем ко второй части Марлезонского балета.

– Черный развязывать? – спросил Гуг, подходя к «живым консервам».

– Этим только ноги, чтобы могли идти сами, – ответил мужчина, – и давайте поживее – с этой помойки надо скорее уходить. Тошно здесь.

– Погоди, Андрей, – сказал Сергей Петрович, – сперва нужно осмотреться и забрать шкуры с шатров и прочее имущество Ланей. Шесты мы нарубим на месте, но надо ж им будет где-то жить, пока идет стройка.

– Осматривайся, а я пока тут покомандую. Дара, возьми Себу и иди к этим жертвам первобытного террора. Объясни им, что происходит, и что их ждет впереди. Чтобы не разбежались от нас с перепугу.

Пока эти двое рассказывали развязанным и испуганным женщинам Ланей, какие крутые перемены наступили в их судьбе, учитель прошел к берегу реки, где обнаружил четыре длинных, выдолбленных из цельного дуба челнока, и до десятка узких, хищных каноэ, собранных из гнутых прутьев и обшитых шкурами – похоже, тюленей. Его первоначальная догадка подтвердилась – в своем долюдоедском прошлом это племя обитало где-то на побережье и охотилось на морскую живность. Вернувшись, он рассказал об этом товарищу.

– Отлично, – сказал тот, – челноки – имущество ценнее любых шкур. Знаешь, сколько времени уходило у этих несчастных на изготовление каменными орудиями одной штуки?

– Знаю – от начала до конца – около десяти лет, а служили они хозяевам лет по пятьдесят, если не больше.

– Вот именно. Ценная вещь. Но погоди с трофеями, нам бы сперва с людьми разобраться.

Первыми вожди разбирались с женщинами из клана Лани, которые, хромая и разминая затекшие руки, подошли к ним вместе с Дарой и Себой. Рыжая была довольна. Сегодняшний день резко повысил ее статус в клане. Шутка ли, без ее участия теперь было невозможно никакое, даже самое простейшее дело. Конечно, когда новенькие выучат язык, надобность в переводчике отпадет, но до тех пор она намеревалась закрепить свое высокое положение какими-то иными способами. Да мало ли какими. Прав был ее мужчина Ва-лера, когда говорил ей слова одного мудреца их племени: «Учиться, учиться и еще раз учиться».

Всего людоедами было захвачено шесть женщин, семь девочек-подростков и тринадцать детей обоих полов от трех до десяти лет. Старшая из женщин по имени Нита была беременна на позднем сроке и тяжело несла перед собой огромный живот. Рядом с ней шел светленький мальчик лет семи-восьми, еще один ребенок на три-четыре года младше цеплялся рукой за полы ее свободной куртки.

– Приветствуй тебя, вождь, – перевела Дара мужчинам ее слова, – моя благодарить вас за спасений наш ненужный жизнь.

– Ни хрена не понял, – сказал Андрей Викторович, переглянувшись с коллегой, – почему их жизнь ненужная? Дара, только про хрен переводить не надо!

– Наш мужчина больше нет. Кто дать еда нам и детям? Кто нас защитит от дикий зверь? – с выражением перевела ответ Дара, и добавила от себя, уже не так эмоционально, – я им говорить, что наш клан все не так, а они не верить.

– Еду и защиту вам и вашим детям даст наш клан, – сказал бравый военный, – Дара, скажи ей, что женщины и дети – это наше будущее.

– Вы теперь быть наш мужчина? – перевела Дара вопрос Ниты.

Отставной прапорщик глубоко вздохнул.

– Дара, объясни ей, что мужиков они будут делить потом, – сказал он, – этот вопрос с кондачка не решается. Пусть пока об этом не думают. Сейчас главное – разобрать шатры и все их хозяйство, и сложить все нужное на машину. Нам пора возвращаться.

Та некоторое время что-то объясняла Ните, размахивая при этом руками. Потом женщины клана Лани, собрав детей в кучу и оставив их под присмотром Ниты и еще одной беременной женщины по имени Акса, вместе с подростками пошли собирать свои вещи и снимать с шатров кожаные покрывала, осторожно переступая через разбросанные повсюду тела.

– Дара, – сказал Петрович, – спроси эту Ниту, могут ли их женщины плыть на лодках, или в их клане этим занимались мужчины?

- Да, – перевела ответ Дара, – они мочь плыть. Только недалеко и вниз. Сила мало.
- Ты хочешь отправить их к нам на лодках? – спросил коллегу Андрей Викторович.
- Да, – коротко ответил тот, – нам тут и без них забот хватит, с пленными разбираться.
- А они не потеряются?

– А куда им теряться? – вопросом на вопрос ответил учитель. – Не маленькие, поди, понимают, что без нас им не выжить. Да и недалеко здесь, тем более вниз по течению. Если не спешить, река сама все сделает и доставит на место в лучшем виде.

- Женщина, – спросила Нита у Дары, – о чем говорят ваши вожди?

– Они говорят, – важно сказала та, – что вы должны плыть к нашему стойбищу на лодках. Это там, куда течет река.

- А наши вещи? – беспокоилась Нита.

– Их отвезет ма-шина, – уверила ее Дара, – ее зовут УАЗ и она сильная. В нашем клане на ней возят все тяжелое, даже целые деревья.

– Тогда скажи своим вождям, – сказала женщина, – что мы сможем взять только два челнока. На другие не хватит людей.

– Нита говорить, – сказала Дара главному прогрессору, – что они взять только два лодка. На другие не хватать человек.

– Ничего, – сказал тот товарищу, – завтра с утра с Антоном возьмете кого-нибудь, сходите сюда на «Отважном» и пригоните к нам на буксире остальные лодки. И пироги этих людоедов тоже.

- А они-то нам зачем? – последовал удивленный ответ.

– А затем, что они куда легче и маневреннее дубовых челноков и, например, сеть с них будет ставить не в пример удобнее. Досыта прокормить всю эту орду мы сможем только рыбой.

– Понятно, сделаем. Ну а теперь нам надо решить, что делать с этими, – мужчина кивнул на распростертых на земле полуафриканок, – ты что, все еще собираешься взять их с собой?

– А что, мы должны бросить их здесь связанными, или ты лично собираешься перерезать им горло? Кажется, этот вопрос мы уже решили.

– Сомневаюсь я, – покачал головой отставной прапорщик, – и опасаясь, как бы они нам потом горло не перерезали. Уж очень их много, и слишком они буйные.

– Погоди, Андрей. Из любого безвыходного положения есть как минимум два выхода. Давай сперва попробуем с ними поговорить.

- Попробуй, Петрович... – кивнул тот.

Учитель повернулся к рыжей переводчице.

– Дара, – сказал он, – спроси у этих, которые лежат на земле, может ли кто-нибудь из них говорить на твоём языке?

Девушка спросила, и в ответ одна из полуафриканок постарше, повернув в их сторону голову, произнесла несколько слов.

– Эта мочь, – сказала Дара, с чувством презрения глядя на поверженную женщину, – она знать наш язык, когда их племя менять вещи, а не кушать человек.

– Отлично, – обрадовался Петрович, – пообщаемся. Гуг, Серега, поднимите эту даму на ноги. Только аккуратней, не уроните. Быть может, вам с ней еще спать.

– Старовата она для нас, Сергей Петрович, – буркнул Сергей-младший, беря «даму» за предплечье и под грудь, – на это дело пойдет разве что Антону Игоревичу. Ну, Гуг, на раз-два, взяли!

Одним рывком парни легко подняли женщину на ноги и повернули лицом к вождям. В ее глазах метался испуг и растерянность.

– Ничего не старовата, – с солдатской прямоотой прокомментировал слова юноши физрук, оглядев полуафриканку, – морщин нет, коровьего брюха тоже, груди ушами спаниеля не висят. Короче, Серега, баба в самом соку, была бы только у нее мордашка чуть помилей...

– Товарищ старший прапорщик, – шутливо сказал главный прогрессор, – имейте совесть, не мешайте мне вести допрос пленной.

– А может, я ее сам допрошу? Так сказать, по старой памяти.

– Пока не стоит, – покачал головой учитель, – ты у нас Главный Охотник и Великий Воин, кушаешь таких на завтрак, обед и ужин по две штуки. Вот если она уйдет в отказ – отдам ее тебе. А пока буду говорить я, мягкий, белый и пушистый, который и мухи не обидит, если только та не нагадит ему в суп.

– Хорошо, – согласился коллега, – делай как знаешь, а я погляжу.

– Дара, – сказал Петрович, – спроси у нее, как ее зовут, как называется ее племя, и кто научил их есть людей?

Выслушав перевод вопроса, полуафриканка заговорила, медленно подбирая слова.

– Она зовут Алохэ, – перевела Дара ее речь, – их племя называться, моя не понимать это слово. Есть людей им придумать шаман Шамэл. Другой племя их народ так не делать. Зверь, который они ловить, стал мало, а человек был много. Они хотеть кушать. Шаман сказал, что другой человек тоже зверь, который можно есть. Шаман убить старый вождь, который говорить нет. Они пойти туда, где менять вещи, забрать вещи, убить и съесть все.

Потом они начать ходить везде и всех есть. Другой шаман их народ проклясть их племя и сказать их убить. Они уйти со своя земля и больше там не жить. Это быть рука лет и два года назад. Потом они гулять и прийти сюда. Шамэл сказал, чтобы племя быть сильный, надо убить и есть все слабый и ненужный человек. Убить и есть ребенок. Убить и есть женщина. Женщина стал мало, и Шамэл учить мужчина и мальчик, что женщина должен быть общий. Если женщина говорить нет, то она надо бить. Шамэл брать много женщина и девочка. Потом он их убить и есть. Когда вы прийти и убить все мужчина и большой мальчик, тогда женщина и девочка напасть на шаман Шамэл, его помощник и маленький мальчик, и все убить.

Некоторое время все потрясенно молчали.

– Какая мерзость! – пробормотал Андрей Викторович. – Попался бы мне этот Шамэл в руки живым... Радует только то, что по их следам к нам не придет еще одна толпа голодных людоедов.

– Дара, – не меняясь в лице, произнес Сергей Петрович, – спроси у нее, почему они убили всех своих мальчиков?

– Так надо, – перевела Дара ответ Алохэ. – Они зло Шамэл, Шамэл их портить. Убить их – убрать зло.

– О, грехи мои тяжкие... – простонал учитель, обводя лежащих навзничь полуафриканок, – за что мне все это?

– Это ужасный проступок, – перевела, точнее переврала, сообразительная Дара, – наш Великий Шаман Петрович расстроен тобой и спрашивает у духов Огня, Грома и Молнии, что с вами сделать.

Алохэ упала на колени и, зажмурившись, задрала голову.

– Она говорить, – в голосе Дары, нарастая, звучали замогильные нотки, – пусть ты убить ее своим громом или ударить нож горло. Она убить свой мальчик. Она тоже есть зло Шамэл. Она надо нет. Она не хотеть жить. Она все не хотеть жить. Пусть ты убить их всех. Бей!

Петрович вытащил из ножен свой нож, и задумчиво посмотрел на сияющее на солнце булатное лезвие.

– Что ты задумал, Петрович? – подозрительно спросил коллега.

Он уже представил себе, что его друг, обычно такой добрый, сейчас собственной рукой начнет резать глотки всем этим сбитым с толку женщинам.

Тот отвлекся от созерцания ножа и перевел взгляд на товарища. Несмотря на чрезвычайно серьезный вид, где-то глубоко в его глазах пряталась лукавинка.

– Я задумал колдовской обряд, чтобы очистить их от зла, – мрачно изрек он, – но, к сожалению, здесь не хватает всех необходимых ингредиентов. Можно провести лишь предварительную подготовку, своего рода конфирмацию. Надо будет сделать так, чтобы зло умерло, а тело осталось жить – для того, чтобы потом в нем могла зародиться новая душа. То, что натворил один шаман, другой шаман обязательно должен суметь исправить.

– Вождь, ты их убить? – перевела Дара вопрос Ниты, которая тоже все еще была здесь и слушала весь этот диалог в первоисточнике. И она, и Дара были немало заинтригованы.

– Дара, переведи ей, что убить их прямо здесь проще всего. Но тогда они умрут, а зло, которое принес Шамэл, останется, а я должен убить именно его, тут он сделал паузу и, глядя в сторону Ниты и ее соплеменников, слегка нахмурился, – и вообще, незачем им смотреть на все это. Такой обряд не для глаз детей и женщин. Пусть они идут к лодкам.

Когда Нита, Акса и дети бывшего клана Лани удалились к берегу, Петрович еще раз обвел взглядом разоренное стойбище. Разграбление подходило к концу. Покрышки из шкур были сняты с шатров, изнутри было вытащено все ценное, и Катя с Лизой помогали женщинам-Ланям увязывать все это сыромятными ремнями в один огромный тюк в кузове УАЗа.

– Петрович, – сказала Дара, – Алохэ спрашивает, ты их убить или не убить?

– Значит так, Дара, – ответил тот таким тоном, что все притихли, догадавшись, что сейчас будут сказаны очень важные вещи, – скажи Алохэ – и пусть она сообщит всем – что мы будем проводить очень важный и сложный обряд – мы будем убивать то зло, которое поселил в них Шамэл. Именно зло, а не их самих. Для этого они должны отказаться от всего, что было у них в прошлом – от своих имен, обычаев, одежды, языка. Будет тяжело, больно и страшно, поэтому это дело добровольное, – он сделал паузу, наблюдая, как у Дары расширяются зрачки – она, вникая его словам, наполнялась мистическим трепетом перед могуществом шамана Петровича. Как же ей повезло, что она попала в его племя!

Она перевела все сказанное, стараясь соблюдать максимальную точность – еще бы, шаманский обряд – это не шутки!

Шаман между тем продолжал:

– Слушай внимательно, Дара, и ничего не упусти. Скажи им – сейчас мои помощники будут ставить их на ноги и подводить сюда. Те, кто хочет, чтобы их зло умерло, а они родились заново, должны, как Алохэ, встать на колени. Те, кому их зло дороже жизни, пусть остаются стоять. Мы оставим их здесь, связанными по рукам и ногам, на съедение диким зверям, и они умрут от их клыков, как жертвы вашего племени умирали от рук их мужчин.

Алохэ, выслушав из уст Дары эту речь, заговорила высоким мелодичным языком, и лежащие ниц на земле полуафриканки стали ворочаться и перешептываться. Сергей-младший и Гуг принялись поднимать их на ноги и выстраивать в одну линию. Некоторые опускались на колени сразу, некоторые какое-то время раздумывали. Вот остались стоять только двое, но одна, когда к ней уже направились парни, вдруг в последний момент буквально упала, ударившись коленями об землю.

Последнюю упрямицу, оставшуюся стоять на ногах и зло смотревшую на своих пленителей, отвели в сторону, и в дополнение к рукам связали ей ноги и заклеили скотчем глаза и рот. Мужчина отчего-то подумал, что это была как раз та девка, что пыталась удрать от них в самом начале, и которую скрутили свои же товарки. Она лежала, словно куколка гигантского мотылька, и даже в таком виде источала энергию протеста. Вот ведь упрямица!

Тем временем Катя и Лиза закончили с увязкой багажа на УАЗ и подошли к вождям.

– Лани уже отплывают, – сказала Катя, – что нам делать?

– Весте с Гугом сходите к месту засады, – ответил ей Петрович, – и принесите сюда буксировочный трос. Он нам скоро понадобится. Будьте осторожны, там уже могут быть падальщики.

Когда эти трое ушли, он посмотрел на Сергея-младшего.

– По моей команде, – сказал он, – будешь заклеивать им скотчем глаза, потом разрезать ремешки на их одежде. Все делать медленно и печально, без всякой суеты. Понятно?

Тот судорожно кивнул, а вот коллега скептически хмыкнул.

– Петрович, – с сомнением произнес он, – а может, не надо всей этой африканской эротики? Ну ее...

– Надо, Андрей, надо, – прозвучал твердый ответ, – мы все тут, кроме Гуга, мужики женатые, и африканской эротикой нас не проймешь. Эти женщины должны быть уверены, что оставили позади свое прошлое. Как говорила одна моя знакомая экстрасенша – не стоит тащить к нам в дом вещи с такой мерзкой эманацией. Понятно?

– Понятно, – кивнул отставной прапорщик, – в смысле, понятно, у кого ты нахватался таких словечек.

– Шаман я или нет?! – сказал Петрович, жестом подзывая к себе Дару и Сергея-младшего. – Кхм... ну что ж, приступим, товарищи. Дара, скажи ей, этой Алохэ, что сейчас им всем будут заклеивать глаза и разрезать их одежду, чтобы они стали такими, какими были в тот день, когда вышли из чрева матери. Потом они почувствуют холод смерти – сначала на своей шее, потом на губах, но на этом их мучения только начинаются. Я поведу их в далекий путь в иной мир, на котором они даже не будут видеть, куда ступают. Там их ждут новые испытания смены имени и очищения духами огня и воды.

Дара перевела как надо – леденящая интонация ее голоса заставила ощутимо поежиться готовящихся к обряду.

Сергей-младший заклеил Алохэ глаза, поднял ее на ноги, потом сноровисто начал разрезать ремешки на ее одежде, уронив на землю сперва распахнутую куртку без рукавов, потом тяжелую, ниже колен, запашную юбку. После этого Петрович, стараясь не поранить кожу, провел плоской стороной ножа сперва по шее – там, где бьется жилка сонной артерии – а потом и по губам. Стояла торжественная тишина, лишь слышалось взволнованное дыхание темнокожей женщины.

– Да, – перевела Дара слова Алохэ, – я чувствовать холод смерти и ее вкус. Ты будешь брать нас всех, как мужчина берет женщина?

– Хороший вопрос, – сказал шаман, усмехнувшись про себя и, повысив голос, произнес, – слушайте все – и ты, Дара, переводи. Я накладываю табу на этих женщин до полного завершения процесса очищения.

Гуг, Катя и Лиза вернулись с тросом тогда, когда он заканчивал «причащать» последних полуафриканок холодной сталью. Женщины бывшего клана Лани к тому времени уже отплыли, и делать на разоренной стоянке было больше нечего.

Закончив с обрядом, мужчина распорядился выстроить полуафриканок в колонну и пропускать трос под их левым локтем, закрепляя его на боку еще одним куском скотча. После чего он уже было собирался отозвать коллегу в сторону, чтобы обсудить дальнейшие планы, как вдруг та упрямца, что решила остаться, начала брыкаться, кататься по земле и мычать.

– Серега, – сказал Сергей Петрович, – сходи, отклей ей рот, может, она хочет чего сказать.

Она хотела. Едва парень сдернул скотчевую заклепку, как женщина быстро заговорила, захлебываясь словами.

– Она теперь не хочет остаться, – перевела Дара слова Алохэ, – она хочет, как все, убрать свой зло. Она просит шаман пожалеть глупый женщина, не оставить ее есть дикий зверь.

Сергей Петрович обрадовался, и еще как, однако старался не показывать свои эмоции. Суровый и могущественный шаман – такой имидж ему требовалось поддерживать в данный момент. Что ж, собственно, именно на такой исход он и надеялся, ибо силком тащить с собой упрямую козу ему вовсе не улыбалось. Надо было сделать так, чтобы она захотела идти с ними добровольно. Конечно же, он приказал Сергею-младшему освободить женщине ноги и поскорее подтащить ее к остальным, чтобы закончить обряд.

И вот все готово к отправлению в путь. Сергей Петрович подошел к товарищу. На часах было десять минут пятого.

– Возьми Себу и езжай вперед, – сказал он. – Там ее, наверное, заждались.

– Себа не ехать, – неожиданно сказала Дара, – Себа говорить, что одна рука ребенок и два большой девочка потеряться. Нет здесь, нет там, нет мертвый. Они спрятаться. Себа кричать, они выходить.

– Себа умница, – сказал учитель, и, подозвав к себе девочку, погладил ее по голове, – а я и не догадался у нее спросить, все ли на месте.

– У тебя быть трудный день, – перевела Дара ответ Себы, – наш вождь часто так говорить. Сергей Петрович тяжело вздохнул.

– Тогда возьми Лизу, – сказал он Андрею Викторовичу.

– Я-то ее возьму, а вы как? – вопросом на вопрос ответил тот.

– У нас тут – я сам, Серега, Катя и Гуг. Вряд ли нам встретится такая опасность, с которой не смогли бы справиться три молодых охотника и взрослый мужчина, вооруженные двумя огнестрельными стволами, – пояснил Петрович.

– Тогда я мигом, – сказал физрук, – разгрузюсь – и обратно.

– Не надо. Всю эту орду на УАЗе ты все равно не увезешь. Лучше с Антоном Игоревичем и Валеркой помогите обустроиться Ланям – где-нибудь не слишком рядом с нами, но на расстоянии прямой видимости. Будем вводить их в наше общество постепенно. Это этих, – он кивнул на полуафриканок, – надо, чтобы сразу бултых – и с головой в воду. Короче, посоветуйся там с Витальевной, она плохого не подскажет. И приготовьте все для очистительных процедур – в смысле, стрижки, бритья наголо и мытья под горячим душем с мылом и щеткой. Будем драить их, как молодые солдаты взлетку в казарме.

* * *

17:15. Пристань у Дома на Холме

Возвращаясь в лагерь, бывший военный останавливался только три раза. Дважды, чтобы подобрать тела убитых детей и молодой женщины, и в третий раз там, где они оставили раненую. Она была еще жива, и даже пришла в сознание. Более того, рядом с ней сидел и плакал мальчишка лет пяти. Увидев машину, он испуганным зайчонком порскнул в кусты, но Лиза, как настоящая дикая кошка, выскочила на ходу, догнала и поймала несчастного ребенка. Мужчина поднял на руки раненую, не имевшую сил ни бежать, ни сопротивляться, усадил ее на пассажирское место, пристегнул ремнем, потом сел за руль, взяв на колени дрожащего пацана; Лиза залезла в кузов, упиравшись спиной в тюк, а ногами в спинки сидений. Таким образом они приехали в лагерь на берегу около пяти часов вечера, увеличив число спасенных на двух человек.

Там мальчишка, оказавшись среди своих, вскоре успокоился, а его мать попала в руки сразу двух опытных целительниц. Марина Витальевна заверила, что жизнь раненой вне опасности.

Тем временем Лани оплакали мертвых детей и свою товарку. Через Мару Фэра объяснила, что в их клане принято хоронить мертвых в реке, на самом стрежне, чтобы та отнесла их к морю. Печальную церемонию похорон решили назначить на утро, когда «Отважный» выйдет в поход за оставленными в разоренном стойбище челноками и каноэ людоедов.

Потом все вместе решали, где женщины бывшего клана Лани поставят свою временную стоянку. По всему выходило, что лучшее место – у начала излучины Ближней, метрах в ста от лагеря клана Прогрессоров. У женщин Ланей будет время и возможность присмотреться и притереться к новому образу жизни.

Андрей Викторович еще раз завел УАЗ, и, взяв Лизу и двух помощниц из числа Ланей, съездил на опушку леса, чтобы нарубить жердей для шатров. Сначала было немного визгу, но потом езда на УАЗе молодым женщинам даже понравилась. Шутка ли – не надо бить ноги, полчаса идя к лесу, да и не требуется тащить с собой нарубленные жерди на руках. К тому же там, где местные возились бы по полчаса с каждой жердью, топор мужчины в два-три удара сносил молодые деревца – наглядная демонстрация того, что клан Прогрессоров хорошо умеет не только убивать.

Общались знаками и ужимками. Да и нужен ли им был язык, когда мужчина рубил деревца и очищал их от ветвей, а Рана и Лита относили готовые жерди к УАЗу и укладывали их в кузов, увязывая сыромятными ремнями.

Вернувшись из лесу и сложив жерди, отставной прапорщик в подробностях рассказывал Марине Витальевне и ее супругнику об их освободительно-карательном рейде.

– Обыкновенная тоталитарная секта, Андрюша, – подвела итог фельдшерица, – видимо, эта гадость изначально сопровождала человечество. Маньяк со способностями гипнотизера, став шаманом, подчинил себе племя и привел его к полной гибели, уничтожив заодно и кучу других людей. Бедные женщины клана Лани – как мне их жалко, бедняжек... Ведь если не вы, мальчики, то их наверняка бы всех переловили и тоже съели.

– Помянем храбрых мужчин клана Лани, – сказал учитель физкультуры, разливая по стаканчикам коньяк. – Ведь если бы они не задержали людоедов, то их женщины не смогли бы добежать до нашего лагеря и поднять тревогу. И через несколько дней застигнуты врасплох были бы мы. Пусть попадут они в края счастливой охоты, в которые верят. Мы позаботимся об их женщинах, а их детей воспитаем как своих.

Выпили не закусывая. Помолчали.

– Я, каюсь, думала, что ты, Андрей, перегибаешь с этим своим походом, – произнесла Марина Витальевна, – а тут, оказывается, творится такое... А Петрович-то каков! Так ты говоришь, что он гонит эти несчастных сюда совсем голыми?

– Не гонит, а ведет, аки поводырь слепых, – пояснил тот, – голых, в чем мать родила, связанных одной веревкой, шаг за шагом, в полной неизвестности, от темного прошлого к светлому будущему.

– Тоже мне дедушка Ильич, – хмыкнула женщина, – он там себе напридумывал, а нам теперь думать, во что их одевать.

– У Петровича на то были свои резоны, – сказал Андрей Викторович, – а я в его шаманскую работу не вмешивался.

– Да я все понимаю, – вздохнула женщина, – он их ломает об колено, как в армии ломают молодых солдатиков, бросая их в казармы после мягких домашних постелей и маминых пирожков. Тут, судя по твоим словам, ситуация немного иная. Но смысл действий от этого не меняется. Петрович хочет, чтобы они забыли все, что у них было в прошлом, и приучились к беспрекословному повиновению. И к гадалке не ходи, что с первого же дня он так загрузит их занятиями и работами, что вечером они будут обессиленные падать в койку и дрыхнуть без задних ног до команды «подъем».

– Витальевна-а-а, – протянул отставной прапорщик, – и это ты объясняешь мне?

– Прости, Андрюша, заболтавшуюся глупую бабу, – извинилась та, – но вот что делать с тем, что шкур-то у нас всего на три-четыре комплекта одежды – это если шить по местной моде – штаны и куртку. Не будут же эти полуафриканочки бегать у нас тут голые как обезьянки?

Тот, задумавшись, ненадолго замолчал.

– Этот вопрос, – наконец произнес он, – можно решать поэтапно. Сначала им нужно прикрыть срам, и самый экономичный, в смысле расхода материала, способ – это мини-трусы на завязочках. Возни мало, подгонки в смысле размеров никакой, отходов тоже будет минимум.

Потом уже придумаем что-нибудь с верхом и со всем остальным. В конце концов, зайдем шкуры у Ланей, запас у них солидный.

– Хорошо, Андрей, – кивнула Марина Витальевна, – давай так и сделаем. Причем прямо сейчас, пока наш Моисей ведет свой народ по пустыне. Но нам будут нужны помощницы, одни наши девочки просто не справятся.

Мужчина встал и расправил плечи.

– Помощниц я вам обеспечу, – сказал он.

И обеспечил. Пришел с Марой на стоянку Ланей, ткнул пальцем в четверых, на вид самых молодых, и сказал:

– Идем со мной!

Все. Вождь он или не вождь? Возражений не было. Сами же обещали подчиняться беспрекословно.

Девочек звали Мату, Тума, Рина и Улла. Их-то Андрей Викторович вместе с Марой и сдал на руки Ляле и Лизе, поставив перед ними задачу по пошиву предметов ширпотреба. Иглы, нитки и ножницы подходящего калибра вместе с наперстками нашлись в комплекте для ремонта парусов. Шила, свинцовую чертилку, линейку и два острых сапожных ножа выделил Антон Игоревич.

И работа закипела. Кроили и шили на пустой сейчас палубе «Отважного», как на единственной имевшейся в наличии ровной и твердой поверхности. Девочки клана Лани в шитье кожи не были такими уж неумехами, но стальные ножи, шила, иглы и наперстки открыли им абсолютно новые горизонты в этом ремесле. Метод обучения простейший – делай как я.

Округляя глаза и благоговейно перешептываясь, девочки смотрели на все эти инструменты как на посланные богами сокровища, прикасаясь к ним бережно и со всем почтением.

Сшив первые несколько комплектов, не удержались и тихонько спустились в кают-компанию – примерить на себя. Для девочек клана Лани это был поход в пещеру Аладдина. Ляле, Лизе и даже Маре, уже привыкшей к хлопку и льну, самопальные изделия показались тяжелыми и несколько грубоватыми, зато Мату, Тума, Рина и Улла были в полном восторге от трусиков из мягкой и нежной кожи, выделанной по методу Антона Игоревича. Они ни за что не хотели расставаться с обновками, тем более что они убедились, что у старших подруг из их нового клана имеются точно такие же трусики, только из другого материала.

В таком виде, буквально без штанов, их и застала Марина Витальевна, заинтересованная, куда пропали эти неутомимые девчонки. Выслушав горячие оправдания, она благосклонно кивнула и разрешила девочкам оставить себе четыре комплекта в качестве платы за работу. Счастью юных красоток не было предела. Фельдшерица была со всех сторон обласкана комплиментами и благодарностями, после чего, натянув штаны, Мату, Тума, Рина и Улла побежали на палубу, чтобы поскорее закончить работу и вернуться к своим на стоянку – и хвастаться, хвастаться, хвастаться.

Женщина сделала это не только из-за своей врожденной доброты, но еще из понимания того, что, пожадничаив в малом, можно быстро потерять лояльность принятых в клан. А так теперь все могут убедиться, что ни одна работа не останется неоплаченной.

Час спустя, когда на стоянке женщин Лани процесс установки шатров был в самом разгаре, в устье Ближней вошли челноки с женщинами и детьми, спасенными из рук людоедов. Суэта, крики, плач, слезы и объятья. Позабутые своими матерями и тетками дети, не страдая избытком стеснительности, тут же гурьбой направились в лагерь Прогрессоров – знакомиться. Там же было столько всего ранее неизвестного и интересного! Чертовой дюжиной маленьких башибузуков верховодили три старшие девочки из новоприбывших: Сали, Мина и Вета. Увидев это вторжение, Ляля оставила Лизу бригадировать над швеями, благо они уже понимали друг друга без слов, и, спустившись вместе с Марой на берег, взяла в оборот эту шумную компанию. Малышей познакомили с Антошкой, Маринкой и Вероникой. Им было позволено

осторожно погладить разлегшуюся неподалеку от костра Зару, покормить сахаром пасшуюся поблизости лошадь и немного поиграть с ее жеребенком, только не делая ему больно. Потом им вручили по маленькой соленой рыбке и сопроводили обратно на стоянку к женщинам Ланей.

* * *

20:50. Закат солнца. Пристань у Дома на Холме

Путешествие отряда Сергея Петровича не было таким уж гладким. Сперва его подопечные постоянно спотыкались, сбивались с пути, дергая канат и даже падая, несмотря на то, что для движения была выбрана колея, пробитая колесами груженого УАЗа. Несколько раз приходилось пересекать ручьи, один раз зайдя в воду чуть ли не по пояс. Хорошо, что никто не упал в ручей и не нахлебался воды. Петрович начал уже жалеть, что выбрал такой заковыристый способ психологической ломки, но менять что-то было уже поздно. Надо было держать марку, и он продолжал упорно вести вперед своих пилигримов, не обращая внимания на их падения. Постепенно те приноровились, вошли в ритм, и механически раз за разом переставляли ноги, следуя натяжению путеводной нити. В толпе царило молчание – видимо, каждый отдавал должное важности происходящего и предавался своеобразному психоанализу, несомненно, сопутствующему отречению от старой жизни.

По дороге Себа то и дело разражалась протяжными гортанными криками, выманивая из кустов тех, кто, возможно, укрылся там от погони. В самом начале пути на ее крики из густых кустов вышел мальчик лет девяти, держащий за руку пятилетнюю девочку. Это были Ким и Сита, дети той женщины, которую прогрессоры нашли на дороге со сломанной шеей. Мальчик пошел сам, а девочку по очереди несли Сергей-младший и Гуг.

Чуть позже, когда они уже подходили к Дальнему, на зов Себы из зарослей вышли три худенькие беловолосые девочки – две постарше, лет четырнадцати, и одна малышка лет шести. Новость о том, что у них теперь другой клан, другой вождь и другой шаман (причем оба непревзойденно могучие), потрясла девочек до глубины души.

Еще один шестилетний мальчик, по словам Себы, исчез бесследно. Или он убежал слишком далеко от тропы и не слышал ее криков, или на него напал какой-то хищник.

Посмотрев на медленно бредущих связанных и обнаженных полуафриканок, одна из девочек, которую звали Сэти, спросила, что с ними собирается сделать шаман Петрович. Дара перевела этот вопрос и получила ответ, что он будет делать из них людей.

– А сейчас они кто? – спросила Сэти.

– Я наложил на них заклятье, – придав голосу как можно больше значимости, сказал Петрович, в котором снова проснулся учитель, – и сейчас они никто. Вот придем на место, я проведу еще один обряд – и они начнут становиться людьми.

– Ау-га! – это восхищенное восклицание девочки можно было перевести как «Ух ты!». – А ты с каждым людоедом так можешь? – она смотрела на него во все глаза, в которых читалось восхищение и трепет.

– Нет, не с каждым, – ответил Петрович, – а только с тем, кто раскаялся. Того, кто не хочет раскаиваться, следует убивать.

– Когда ты их сделаешь людьми, кожа у них станет такой же светлой, как у нас? – снова спросила Сэти, в глазах которой горел огонек неистребимого любопытства, свойственного всем детям без исключения, в какие бы времена они ни жили.

– Нет, девочка, – покачал головой шаман, – кожа у них останется такой как была. Человек может быть человеком с любым цветом кожи. Разница между человеком и людоедом внутри и снаружи не видна. У некоторых людоедов кожа белее снега, но от этого они лучше не становятся.

Сэти глубоко задумалась и долгое время пребывала в молчании.

Перед самым закатом караван пересек ручей и вступил на то поле, на котором в полдень и произошло побоище. Тела убитых все еще беспорядочно валялись тут и там – в тех позах, в каких их застала смерть. Кровь уже давно побурела и над трупами с надсадным жужжанием кружили зеленые мясные мухи.

– Шаман Петрович, – снова спросила Сэти, дернув за рукав Дару, чтобы та переводила, – вы их всех убили, потому что они не хотели раскаяться?

– Да, – сказал тот, – ваши женщины бежали к нам за помощью, а людоеды гнались за ними, чтобы съесть. Тогда мы встали и встретили их своими громом, молниями и холодной сталью, после чего они все умерли, а у духа смерти случился большой праздник.

– А что такое холодная сталь? – спросила девочка.

– Вот посмотри, – Петрович вынул из ножен нож и показал ей.

– Какой красивый, – сказала девочка, – а можно его потрогать, или он убьет и меня тоже?

– Потрогать можно, – ответил мужчина, – но только осторожно, не за лезвие и не за острие, они кусаются.

Девочка протянула дрожащие тонкие пальчики к клинку и слегка коснулась его.

– Ой, – произнесла она восхищенным шепотом, убирая руку, – он действительно холодный. Это им ты убил всех людоедов?

На Петровича пылливо смотрели большие и лучистые зелено-карие глаза. И было в них столько преданности и признательности, что ему даже стало неловко. Детские глаза! На свете нет ничего выразительнее. И когда они смотрят на тебя вот так, с беспредельным восхищением, доверием и любовью, понимаешь, что сделаешь все ради того, чтобы глаза эти никогда не омрачила печаль...

– Нет, – ответил он, убирая нож в ножны и ласково глядя на девочку, – у него есть старший брат, которого я сейчас доставать не буду. Кстати, мы уже почти пришли, вон стоят шатры женщин твоего бывшего клана. Давай, беги, обрадуй их тем, что вы все живы.

Глава клана догадывался, что эта необычно бойкая и любознательная девочка, скорее всего, была дочерью вождя или старейшины, уж очень свободно она с ним себя держала. Но оно и к лучшему. Он был уверен, что этот диалог очень быстро разойдется слухами по стоянке бывшего клана Лани, и ему не придется снова говорить на эту тему. Вторым концом эта беседа была направлена на полуафриканок – Алохэ, конечно же, поняла то, что Дара переводила для Сэти, и теперь изложит эту историю своим товаркам в правильном ключе, что положительно повлияет на воспитательный процесс.

Подходя к лагерю, он почувствовал, что смертельно устал и едва тащит ноги. Но несмотря на это, ему предстояло выдержать еще одно испытание. В лагере уже было все готово. Пылал огромный костер. Тарахтел мотор на «Отважном». Жужжал насос, и из-под полотнищ душевой палатки, прокладывая путь к берегу, тек ручеек горячей воды. Рядом с душевой палаткой стоял поставленный на попа обрубок бревна, на котором лежала машинка для стрижки.

Комитет по встрече – Андрей Викторович, Марина Витальевна, Лиза, Ляля и Мара – ждали их у костра. При этом Ляля и Лиза стояли в одних трусиках, прикрыв плечи большими полотенцами.

– Переведи для Алохэ, – сказал Сергей Петрович Даре, – мы пришли в новый мир. Всем стоять на месте и ждать.

Алохэ сказала несколько слов на своем языке – и полуафриканки остановились, после чего Сергей-младший начал отлеплять от их боков скотчевые наклейки и вытаскивать буксировочный трос.

– Добрый вечер, Петрович, – поприветствовала Марина Витальевна, – с благополучным возвращением. Это и есть твои заблудшие души?

– Да, – сказал тот, – это они и есть.

– Бедняжки, – сочувственно произнесла женщина, с сочувствием глядя на прибывшую процессию, – как я им не завидую. Но мы тут тоже не сидели сложа руки и подготовили для них свой сюрприз. Марина!

Повинуясь этим словам, девочка вышла из-за костра, как джинн из лампы, держа в руках стопку каких-то кожаных изделий.

– Что это? – удивился Сергей Петрович.

– Трусы, мой милый, трусы! – хохотнув, гордо ответила женщина. – Не думал же ты, что твои темнокожие крали будут щеголять по нашему лагерю в костюмах Евы? У нас тут, между прочим, дети.

– Хорошо, – улыбаясь, одобрил вождь, – так будет даже лучше. Только скажи, где Антон Игоревич, Валера и Антоша-младший?

– На стройке, Петрович, на стройке, – вместо женщины ответил Андрей Викторович, – Геолог с Валерой охраняют объект, а Антошку мы отослали, потому что он еще не дорос смотреть на такие представления «только для взрослых» с голыми тетеньками.

– А Маринка, значит, доросла? – хмыкнул Петрович.

– Марина – девочка, – назидательно объяснила Марина Витальевна, – и ее голыми женщинами не удивить. Ну, что начнем, что ли? Все готово, и солнце уже село.

– Начнем, – сказал Петрович. – Катя, иди сюда и бери машинку, будешь у нас стригалем. Стричь во всех местах без исключения, чтоб не осталось ни одной волосинки. Дара, переведи Алохэ, что она пойдет последней, подведи ее сюда и стой рядом. Маринка, отдай Даре эти трусы и сбегай за моим ноутбуком, будем проводить паспортизацию. Андрей, подгони УАЗ и поставь его задом, чтобы получилось что-то вроде стола, а потом готовь коньяк для причастия. Серега и Гуг – по одной, не спеша, подводите дам к Кате и развязывайте им руки. Ну и стойте рядом на всякий случай, чтобы не взбрыкнули от страха. Заклейку с глаз снимать только в душе. Ну, товарищи, понеслась душа в рай!

Полуафриканку, которая шла следом за Алохэ, первой подвели к чурбаку и усадили на него. Немного подумав, Сергей Петрович распорядился освобождать руки только тогда, когда надо будет постричь подмышки. Защелкала машинка. Дама тряслась подвывала от ужаса, а на землю падали свалявшиеся в паклю пряди черных волос. Закончив с головой, Катя, сморщив носик, два раза прошлась машинкой по лобку, потом, когда Сергей с Гугом освободили полуафриканке руки и задрали их вверх, и по подмышкам.

– Фу, Сергей Петрович, – сказала Катя, пока парни сопровождали свою слепую жертву до душевой палатки, – на такую работу противогаз выделять надо.

– Нет у нас противогаса, – ответил тот, – и вообще, когда ты Дару с Марой в свое время стригла, то не морщилась.

– Мы были чище! – хором заявили возмущенные близнецы, и в этот момент окрестности потряс такой вопль, будто в темноте коту наступили на фаберже.

Полуафриканки заволновались.

– Тихо! – рявкнул Петрович. – Все в порядке! Это из нее выходит наружу мертвое зло!

Моментально все притихли и замерли, напряженно прислушиваясь. Тем временем вопли начали стихать и переходить в нечто среднее между стонами и кряхтением. Стало слышно, как Ляля и Лиза орудуют мочалками, отдраивая шкурку своей жертвы. А Сергей-младший и Гуг уже подвели к Кате следующую клиентку.

Отмыв полуафриканку насколько это было возможно, Лиза и Ляля вытолкнули ее, шурящуюся и полуслепую, прямо в объятия Маре, которая, вытерев женщину полотенцем, подвела ее к Петровичу.

Наступил кульминационный момент. Великий шаман, полный блеска и величия, стоял со сверкающим ножом в руке. Лицо его выражало торжественную сосредоточенность. Он окинул

взглядом фигуру стоящей перед ним и дрожащей от волнения женщины, и в наступившей тишине произнес медленно и раскатисто:

– Как твое имя, женщина?

Дара и Алохэ последовательно перевели ей вопрос.

– Маэлэ, – постукивая зубами и не решаясь поднять глаза на великого и могущественного шамана, едва слышно ответила та.

Шаман Петрович, действуя не спеша, но уверенно, провел лезвием ножа по шее за ухом у женщины, сделав небольшой разрез, из которого немедленно выступила кровь.

– Видишь свою кровь? – сказал он, показав женщине покрасневшее лезвие. – Такой женщины больше нет, она умерла. Ты только что родилась заново, и теперь твое имя Майя! Запомнила?

Выслушав перевод, новонареченная Майя кивнула, и Андрей Викторович поднес ей пятидесятиграммовую стопку коньяка.

– Причастись Духом Огня, Майя! – торжественно сказал служитель культа, показывая, что это надо выпить залпом.

Майя выпила коньяк, и глаза ее округлились.

– Майя, чувствуешь ли ты в себе Дух Огня? – спросил шаман.

Та склонила голову в знак согласия, и шаман, величаво кивнув, удовлетворенно сказал:

– Поздравляю, Майя, твоя новая жизнь началась! Теперь делай все так, чтобы она была лучше прежней.

В этот момент Марина-младшая, собрав состриженные волосы метлой в совок, бросила их прямо в костер. Пламя с треском взметнулось вверх, запахло паленой шерстью.

– Смотри, Майя, – сказал Сергей Петрович, протягивая руку по направлению к костру, – там горит твоя прошлая жизнь, ее больше нет.

Едва закончился перевод, он взял ватную палочку, смоченную в зеленке, потом мазнул по разрезу, и слева над грудью новонареченной начертал цифру «2». Тем временем Дара продела у нее между ног трусы и закрепила их завязками.

Все, дело было сделано – и Майя, полубесчувственная от столь сильных впечатлений, попала в цепкие руки Марины Витальевны, которая отвела ее на застеленное шкурами коллективное ложе.

А учитель, вбив в ноутбук «№ 2 Маэле – Майя», повернулся и сказал:

– Следующая!

И так еще тридцать раз. Завершая обряд в последний раз для Алохэ, которая стала Анной, он просто валился от усталости, и, присев в кузов УАЗа, свесил ноги и стал бездумно смотреть в огонь.

– Шаман Петрович, – вывел его из этого состояния тихий голос Дары, – Себа спрашивать, она можно купаться?

– Конечно, можно, – восторженно ответил шаман, – только без стрижки и прочих излишеств. Если человек хочет, то почему бы и нет. Что нам, воды и мыла жалко? И кстати, почему она все еще здесь, а не на своей стоянке?

– Себа хотеть остаться спать вместе с мы, – ответила Дара.

– Нет, – последовал решительный отказ, – вот выйдет замуж за кого-нибудь, и тогда будет жить вместе с нами. А пока нет. Пусть искупается и идет к себе. Только уже поздно – надо, чтобы кто-нибудь ее проводил.

– Я проводить, – сказал Гуг, – один нога здесь, другой тоже здесь.

– Молодец, Гуг, сходи, проводи! – сказал Сергей Петрович, соскакивая на землю. – Кстати, Витальевна, вы собираетесь чем-нибудь кормить наших новорожденных?

– Уже, – отозвалась Марина Витальевна, – молока у нас нет, так что думаю, печеная рыба им пойдет. Вот поедят и спать, а то их совсем развезло. И вообще, после человеческого мяса думаю на месяц прописать им рыбную диету.

– Нормально, – одобрил вождь, – все равно на ближайшее время рыба – это наше все. И вообще, Катя, Дара, Мара, что вы на меня так смотрите? Быстро раздеваться и вместе с Себой в душ, а то нам тоже пора ужинать, а грязными вас Марина Витальевна за стол все равно не пустит. Потом уже пойдем и мы, мужики. Никаких кислых морд – вперед и с песней. Потом ужинать и спать, все остальные дела оставим на завтра! Сегодня был трудный день.

* * *

2 июля 1-го года Миссии. Воскресенье. День сорок седьмой. Пристань Дома на Холме

Утром Сергей Петрович проснулся совершенно разбитый и с тяжелой головой. Ночью ему снились кошмары, которые он не смог запомнить. Ну и не надо. Рядом, уткнувшись носом в его грудь, сопела молодая супруга, и от этого родного, теплого, ищущего у него уюта и защиты, существа мужчине сразу стало легче. Он потянулся. Предстоял новый день, а с ним и новые заботы. Много забот.

Поднявшись, Сергей Петрович, Андрей Викторович, Ляля и Лиза наскоро умылись у насоса и сквозь утренний туман трусцой побежали в береговой лагерь. Дорога за эти две недели уже была наезжена колесами УАЗа и натоптана ногами, да так, что если даже захочешь, с пути не собьешься. В лагере на берегу тоже уже все встали, и теперь стоянка напоминала цыганский табор. Почти голые полуафриканки неприкаянно болтались по территории, или, сбившись в кучки, тихо переговаривались о чем-то своем. Стоянка Ланей была скрыта туманом, но Петрович подозревал, что и там творится то же самое. Надо было наводить порядок, а то так недалеко и до разложения.

– Так, – сказал он Марине Витальевне, – сегодня в связи с одним очень важным делом я освобождаю тебя от физзарядки. Пока мы все будем укреплять тело и дух, ты должна взять Дару и с ее помощью провести для наших новорожденных хотя бы примерный медосмотр. Я хочу знать, кого можно использовать на тяжелом физическом труде, а кому это еще рановато. Некоторые из них совсем дети, а на лесопилке надо катать квадратное и таскать круглое. У нас тут не концлагерь, и нагрузки должны укреплять тело и лечить дух, а не убивать.

– Хорошо, – сказала та, – сделаю. Только у меня к тебе тоже есть просьба. У нас тут уже столько народу, что пора все оборудовать по-человечески. Столы и скамейки для обеда, большой навес над ними. Не обязательно крыть навес досками, можно и тростником. Большой котел с очагом. Как прикажешь готовить на сто человек в маленьких кастрюлях и котелках? Сортир, наконец – а то эта орда в скорости загадит все кусты, и будет у нас тут полная антисанитария.

– Понял, – сказал Петрович. – Не переживай, Витальевна. Все будет, я тебе обещаю.

Пробежка до Дальнего, зарядка, снова пробежка обратно. За ночь ночные падальщики изрядно потрудились над оставленными лежать без присмотра телами людоедов. Часть уволокли с собой, а часть растерзали на месте, оставив только дочиста обглоданные кости. Когда они вернулись в лагерь, женщина подтвердила, что да, всю ночь был слышен вой, плач и хохот гиен. Сергей Петрович подумал, что сюда гиены приходят из степи. Стоит только пересечь Гаронну, перевалить через холмы – и здравствуйте, необъятные просторы. Конечно, непригодно, когда степь не на юге, а на севере от леса, но что поделать – такая уж тут география.

Быстро позавтракав, вожди собрались на планерку.

– Петрович, – сказала несколько возбужденная Марина Витальевна, – твоих африканских девочек я осмотрела. Это просто ужас какой-то. Всех их, даже девочек, которым на вид не

больше десяти лет, неоднократно и извращенно насиловали. У всех следы побоев, гематомы и ссадины. Все, мягко выражаясь, недокормлены. У тех, что постарше, начинаются проблемы с зубами. Пятеро, скорее всего, беременны на ранних сроках, причем среди них одна девочка, у которой еще даже нормально не начала расти грудь.

– Санаторных условий мы им сейчас обеспечить не можем, – сухо сказал тот, – сами упаваемся как папы Карлы. Да и с психологической точки зрения, это им сейчас противопоказано. Прессинг на них должен снижаться постепенно. Сколько из них могут сейчас работать, к примеру, на лесопилке, подтаскивая круглое и оттаскивая плоское?

– Таких, – ответила женщина, – семнадцать человек. Только сильно их не нагружай, пусть сперва привыкнут.

– Хорошо, я постараюсь. Нужно будет подумать, кого к ним поставить бригадиром.

– Не бригадиром, а сержантом, – поправил Андрей Викторович. – Пусть с самого начала у них будет военная дисциплина.

Петрович задумался.

– Назначим Валеру, – сказал он через некоторое время, – парень в этом деле понимающий, да и в чинах ему уже пора подрасти. Помощницей и переводчицей к нему поставим Дару. Остальных тоже надо будет чем-нибудь занять, чтобы не бездельничали, а проводили время со смыслом. Это уже твоя забота, Витальевна. У меня для малолеток работы только на одного-двух человек – убирать опилки и стружку с рабочего места.

– А как мне с ними общаться? – озабоченно спросила фельдшерица, – язык северных равнин, на котором говорят Дара и Мара, понимает только эта твоя Алохэ, которая теперь Анна, а ее ты забираешь. Надо как можно скорее научить их всех русскому языку. Вот – Гуг, Дара и Мара с нами меньше месяца, а лопочут по-русски уже вполне прилично.

– Вот именно что лопочут, – заметил физрук, – у знающих людей такой уровень владения языком называется пиджин-рашен. Глядя на них, уже и наши начали тоже ломать язык, особенно младшие. Даже от Кати я уже слышал «твоя моя не понимать». Дичает девка.

– В следующий раз разрешаю тебе дать ей по губам, – нахмурившись, сказал Сергей Петрович. – Надо объяснить всем нашим, что сюсюкать и ломать язык с местными строго противопоказано. Разговаривать только нормальным русским языком, а если чего не поняли – разъяснять. А то будет нам тут обратная конвергенция. А вообще, языковые курсы нужны обязательно, по часу после обеда и ужина каждый день.

– Постой, Петрович, – подал голос Антон Игоревич, – подумай, кого мы можем назначить на это дело? Из нас с Мариной учителя никакие, а ты с Андреем все время занят, и вам просто не до того.

– Если что, – сказал отставной прапорщик, – то я тоже пас. В смысле языка могу вести только курс специальной словесности для повышения квалификации сержантов – и только.

– Хорошо, – решил Сергей Петрович, – поставим на это дело Лялю или Лизу, а может, их обеих. Девки они грамотные, почти закончили десять классов, и серьезные. Язык точно ломать не будут.

– Договорились, – сказала Марина Витальевна, – сегодня после обеда первое занятие. А что насчет Ланей, Петрович – их подключать будем?

– Для Ланей занятия по языку пока на добровольной основе, – сказал тот, – нам еще спецконтингент переварить надо.

– Этот, как ты говоришь – спецконтингент, – женщина подняла брови, в упор глядя на Петровича, – еще надо одеть и обуть. В одних трусах и босиком они у тебя много не наработают. Как только закончится этот разговор, я пойду договариваться с Ланями по поводу шкур. Им теперь столько все равно не нужно, но я совершенно не представляю, из чего для них делать обувь.

– Если у Ланей найдутся несколько толстых и грубых шкур на подошву, – сказал геолог, – то я попробую сделать им из них на лето простейшие сандалии.

– Понадобится тридцать одна пара, – предупредил Петрович, – с подгонкой по ноге.

– Все равно, – ответил тот, – пока вы не закончили стройку, у нас нет ни времени, ни людей для того, чтобы заниматься металлом. Поэтому я пока побуду сапожником, это тоже весьма полезное занятие.

– Возьми себе учеников, в смысле, учениц, – посоветовала Марина Витальевна, – потом пригодится.

– Хорошо, – учитель хлопнул ладонью по земле, – с обувью договорились. Как закончим с мастерской, подумаю, как дополнить твои сандалии жесткой деревянной платформой. А теперь давайте поговорим о делах сегодняшних. Андрей, возьми Лизу, Мару и кого-нибудь из Ланей, и сходи на «Отважном» к их бывшей стоянке за лодками.

– Но только сперва, – сказала женщина, – вытащите мне из трюма большой банный котел. А то готовить в четырех маленьких котлах сразу я уже замучилась.

– Вытащим, – заверил Петрович, – но как ты на нем будешь готовить, без очага?

– Что-нибудь придумаю. Очаг – это не единственный способ установить котел. Есть и другие методы.

– Хорошо. Теперь давайте решим, кто пойдет на охоту. Народа у нас сейчас много, и мясо нужно каждый день.

– Конечно же, Сергей, Катя и Гуг, – сказал отставной прапорщик, – больше некому, все остальные заняты.

– Катю я не отпущу, – решительно заявила Марина Витальевна, – что-то ее с утра мутит. Скорее всего, начался токсикоз.

– Тогда вместо Кати пойдет Ляля, – решил Петрович, – на стройке она мне сегодня не нужна.

– Зато она нужна мне здесь, – возразила женщина, – сейчас опять прибегут малыши Ланей, а мне абсолютно некогда на них отвлекаться, да и с нашими швеями она тоже неплохо спелась.

– Хорошо, тогда пусть Серега и Гуг идут на охоту вдвоем, и пора бы уже Гугу учиться стрелять из арбалета.

– Научим, – пообещал Андрей Викторович, и спросил, – ну что, Петрович, на этом все?

– Да, – ответил тот, – все остальные свою задачу уже знают.

Сразу после планерки учитель нашел Валеру.

– Так, друг мой, – сказал он, – есть мнение, что тебе пора расти. С этого дня ты у нас сержант – командир взвода чернокожих амазонок.

Вид у парня был весьма озадаченный.

– А что я должен делать? – только и смог спросить он.

– Руководить, Валера, руководить. Сейчас мы соберем тех из них, кого Марина Витальевна сочла физически годными, и дружную толпою, а еще лучше строим, направимся на стройку, где и будем впахивать до обеда. Я буду работать на пилораме, а твои подчиненные будут мне помогать, под твоим чутким руководством. Понятно?

– Понятно, Сергей Петрович, – растерянно кивнул Валера, – а они меня поймут?

– Язык жестов, Валера – древнейший на планете. Впрочем, одна из них понимает язык северных равнин. Поэтому зови Дару, и идем знакомиться с личным составом.

Когда эти трое подошли к полуафриканкам, те озадаченно крутили головами. Они не понимали, что им надо делать.

– Так, – сказал Сергей Петрович, – опять толпа? Это непорядок! Дара, переводы. Пусть все построится в один ряд напротив нас. Высокие – с этого конца, низкие – с другого.

– Зачем, вождь? – спросила Дара.

– Так надо, – последовал ответ, – и скажи этой Анне, которая бывшая Алохэ, пусть подойдет сюда. И пусть шевелятся поживее, а то срок их очищения увеличится.

Дара перевела эти слова на свой язык, после нее Анна-Алохэ на свой, сама не вполне понимая, что от них требуется. Ее товарки робко топтались на месте, то и дело что-то уточняя у предводительницы, а та, в свою очередь, у Дары. Рыжая старательно втолковывала, темнокожая переспрашивала, и обе боязливо косились на Петровича. Наконец вроде дошло – полуафриканки задвигались, выстраиваясь по ранжиру. Забавно было это наблюдать – они суетились, толкались, примериваясь друг к другу, при этом вид у них был крайне обескураженный.

– Отлично, – удовлетворенно кивнул вождь, оглядывая образовавшуюся картину и вспоминая товарища Сухова, – еще не люди, но уже заготовки для людей. Теперь слушайте – те, на кого я покажу пальцем, должны выйти из строя на два шага.

Он прошелся вдоль строя, одну за другой выдергивая всех девочек и явно недостаточно развитых девушек. Таких набралось четырнадцать человек.

– Вы, – скомандовал он им, – должны сейчас пойти к Мудрой Женщине Марине Витальевне, она скажет, что делать. Остальным пока стоять на месте и внимательно слушать меня.

Петрович перевел дух и еще раз оглядел строй. Кофейно-смуглые, наголо бритые и чисто умытые полуафриканки были красивы какой-то особенной дикарской красотой.

– Так, – сказал он, указывая на Валеру, – этот молодой мужчина, которого зовут Валера, теперь ваш сержант.

– А что такой сержант? – через Дару поинтересовалась Алохэ-Анна.

– Сержант, – отчеканил Петрович, – это помощник вождя. Он будет говорить, что вам делать, а вы должны все это выполнять, как будто это сказал я сам. Понятно?

– А если он приказать нам сделать плохое? – снова через Дару спросила Алохэ-Анна.

– Тогда все равно надо сделать, а потом сказать об этом мне, – был ответ, – вы можете не знать, плохое он вам сказал или нет, это решаю я. Он хороший мужчина, и не будет велеть вам делать плохое, но если это случится, то я его накажу.

Алохэ-Анна окинула Валеру оценивающим женским взглядом и с улыбкой принесла несколько слов, после которых ее товарки заулыбались, показывая белоснежные зубы.

– Она говорить, не надо его наказывать, – перевела Дара, в глазах которой тоже искрились смешинки, – говорить – Ва-лера красивый мужчина, и мы делать с ним плохое, если он это просить.

Валера засмутился, а Сергей Петрович подумал, что кто их поймет, этих женщин. Совсем недавно в родном племени их били и насиловали, потом они прошли через испытания, которые должны были стереть их старую личность; и вот теперь, чуть только им стало немного полегче, они снова хотят делать «плохое» с красивым мужчиной. Надо их так загрузить работой, чтобы и мыслей дурных не возникало.

– Все понятно?! – спросил он Валеру, как бы не обратив внимания на пикантные шуточки, – тогда командуй!

– А... что командовать? – тихо спросил тот.

Петрович тяжело вздохнул:

– Горе ты одно, а не сержант... Направо – и шагом марш!

Валера скомандовал, и снова возникли проблемы. Полуафриканки не имели понятия о том, что такое право, а что такое лево. Раньше оно им было как-то без надобности. Пришлось разъяснять. Потом возникла трудность с тем, чтобы заставить их идти в ногу, но и с этим с грехом пополам справились. Однако ошибкой было бы считать, что Сергей Петрович мается дурью. Просто он проходил срочную еще во времена СССР, и хорошо помнил те методы, которые позволяли превратить толпу разноплеменных оболтусов, зачастую не знающих русского языка, в спаянный армейский коллектив.

Конечно, к этим методам требовалось еще приложить хорошего офицера, который не пустит дела на самотек и не допустит появления в своем подразделении дедовщины, землячеств и прочей неуставной лабуды. Но с этим, как он считал, у клана Прогрессоров проблем не возникнет. Ни он, ни кто-то другой из вождей не были склонны к халтуре и делали свое дело от души и с огоньком.

Кстати, полуафриканки, один раз поймав шаг, так ни разу с него не сбились, и учитель подумал, что у них должно быть идеальное чувство ритма, так необходимое для гребли короткими веслами на их каноэ. Так в перечень занятий с новыми членами племени попала строевая подготовка. Хотя бы во время движения на работу и обратно. Кстати, команды: «строиться», «равняйся», «направо», «налево», «кругом», «шагом марш» и «стой», были первыми русскими словами, которые они начали понимать без перевода.

Придя на стройку, Петрович первым делом загрузил дровами газогенератор, а пока он раскочегаривался, приступил к осмотру и сортировке напиленных вчера стволов. Смоглянки тем временем с удивлением рассматривали выглядящий как футуристическое сооружение деревянный каркас будущего цеха.

– Великий шаман Петрович, – наконец с благоговейным придыханием поинтересовалась Алохэ-Анна, – скажи нам – это священное место?

– Да, – серьезно ответил тот, – тут живет Дух Молнии.

– Ты приносить нас ему в жертву? – перевела Дара следующий вопрос.

– Нет, женщина, – ответил Сергей Петрович, – он полностью подчинен мне, и ему не нужны жертвы. Но если вы будете неосторожны и оскорбите его своим прикосновением, то он может обидеться и ударить вас, или даже убить. Поэтому никогда не касайтесь непонятных вещей и делайте только то, что скажет вам ваш сержант. Понятно?

Ответом были нергичные кивки.

Когда Петрович запустил мотор и тот негромко заурчал, Дара сделала многозначительное лицо, глядя на ошарашенных полуафриканок.

– Великий шаман Петрович, – тихо и многозначительно сказала она, воздев руки кверху, – уже разбудил Духа Молнии. Теперь будьте особенно осторожны.

Впрочем, тех вскоре ждал еще один шок, когда цепная электропила с визгом вгрызлась в твердую дубовую древесину. Они аж подпрыгнули и издали дружное «Оууу!», а затем изумленно воззрились на это невообразимое чудо. Но потом им стало не до испуга или удивления. Приходилось подтаскивать, оттаскивать, подавать, складывать и убирать. Работа хоть и простая, но тяжелая. Дамы старались, слаженно выполняя все, что нужно. Адреналин, видимо, подстегивал их усердие. Вес первого со стороны комля обрезка дубового бревна составлял около полутора тонн, и, чтобы подать его на приемный стол ленточно-пильного станка, требовались усилия всей бригады, включая и сержанта Валеру. Вскоре все уже блестели потом (тем более что солнышко припекало весьма ощутимо) и перестали пугаться бешено воющего механизма, только успевая оттаскивать в одну сторону горбыль, а в другую готовые доски. Опилки Антон Игоревич тоже просил не выбрасывать, ибо планировал, как дойдут руки, соорудить для клана коптильню.

До обеда успели полностью переработать дубовое бревно и пару небольших сосновых. Этот материал, что был сортом пониже, планировалось пустить на создание просимых столов и скамеек для столовой, о которых так хлопотала Марина Витальевна. Прежде чем идти обедать, Петрович отключил генератор и распорядился грузить сосновые доски и брусья в УАЗ, после чего полуафриканки уже привычно построились в колонну и под руководством Валеры потопали в лагерь.

А там уже дым стоял коромыслом. На полянке у заводи между нескольких больших камней был установлен двухсотлитровый побулькивающий рыбным варевом котел, под которым тускло рдели угли костра. Рядом лежали связки серебристой рыбы, которую постоянно подтас-

кивали старшие дети откуда-то со стороны устья Ближней. Причем среди них были как дети Ланей, так и самые младшие из полуафриканок – они уже обзавелись кожаными запашными юбочками до середины бедра и такими же кожаными, оставляющими открытой всю спину, топиками на тесемках. На головах у них красовались маленькие, типа вьетнамских, конические шляпки, плетеные из тростника, чтобы солнце не напекло бритое темя. Тоже своеобразный образчик минимализма.

Девочки постарше – и беленькие, и смугленькие – под руководством Ляли, орудуя шилом и иглой, шили из кожи те самые юбочки и топики, или под надзором Антона Игоревича плели из тростника шляпки. В то же время девушки и молодые женщины белокожего племени сноровисто чистили стальными ножами пойманную рыбу и, нанизав ее на кожаные шнурки, растягивали эти рыбные гирлянды между воткнутых в песок жердей. Короче, и тут трудовой процесс был в разгаре, а Марина Витальевна управляла им, как дирижер управляет оркестром.

– Это все Антошкина рыбная артель, – кивнула она на кучу пойманной рыбы, – уже не знаем, куда все это девать. Пока решили вялить впрок.

Вытирая руки о кожаный передник, в сопровождении Мары к Сергею Петровичу и Марине Витальевне подошла Фэра.

– Приветствуй тебя, вождь-шаман Петрович, – перевела ее слова Мара.

– И я приветствую тебя, Мудрая Женщина Фэра, – сказал тот, опускаясь на землю и скрещивая гудящие ноги, – садись и поговорим. Все ли у вас благополучно?

– Моя благодарить тебя, – перевела Мара ответ Фэры. – Моя стоять.

– Садись, – повторил мужчина, – в нашем клане не принято, когда мужчина сидит, а женщина стоит. А ты обещала принять все наши обычаи. Не заставляй меня вставать перед тобой, мои ноги очень устали.

– Моя садись, – перевела Мара слова Фэры, повторившей движение вождя. – Мы есть благополучно. У нас много хороший еда. Твой клан – хороший клан. Мы скорбеть о том, что наш клан умереть, и радоваться, что мы жив, наш ребенок жив, наш новый клан совсем, совсем лучший.

– Спасибо, Марина, – сказал учитель, принимая из рук Марины Витальевны эмалированную чашку с густым рыбным варевом, и спросил, – вас покормили, Фэра?

– Мы кушать, – перевела ответ Дара, очень хорошо воспроизведя интонацию безмерной благодарности, – много хороший еда. Живот радоваться.

– Очень хорошо, Фэра, – сказал Петрович, дуя на ложку с варевом. – У тебя есть еще какие-то вопросы?

– Есть, вождь-шаман, – перевела Мара и хихикнула. – Она спрашивать – когда их выбирать мужчина? Женщина много, мужчина хороший, но мало, мало, всего рука и один.

Услышав это, главный прогрессор чуть не поперхнулся горячим супом.

– Скажи ей, – произнес он, наконец справившись с удивлением, – что у нас так эти дела не делаются. Только вчера их мужчины умерли, защищая их от врагов, а сегодня они ищут себе новых. Я накладываю на них табу на три луны, до самого праздника урожая, а за это время они должны выучить наш язык, наши обычаи и решить, кто из нас им нравится больше всего.

– Не каждый женщина клан Лани иметь свой мужчина, – перевела Мара и добавила от себя, – Гуг хотеть Себа, Себа тоже хотеть Гуг. Себа родиться клан Лани и не иметь еще свой мужчина. Она идти мужчина другой клан. Мы тоже другой клан. Пожалуйста, Петрович.

«Вот незадача, – подумал тот, – как я забыл, что в эти времена девушка не могла выйти замуж в своем клане. Естественный механизм защиты от инбридинга. Следовательно, все урожденные Лани – уже готовые невесты. Но как же тогда сама Мара родила близнецов, оставшись в своем клане? На дочерей вождя это правило, что, не распространяется, или там, на севере, поблизости просто не было других кланов?»

– Хорошо, – сказал он вслух, – для девушек табу будет всего одну луну. Это время они должны работать, где скажут, учить наш язык и учиться жить как мы. Скажи Себе, пусть подойдет к Марине Витальевне на осмотр, потом поговорим об этом еще раз. Все.

Выслушав перевод, Фэра поднялась на ноги.

– Хорошо, вождь-шаман Петрович, – сказала она, склонив голову, – мы ждать, мы учить язык, мы думать.

– Постой, Фэра... Я тебя не обидел?

– Нет обидеть, вождь-шаман Петрович, – перевела Мара, – ты говорить правильно. Мы думать о наши дети, и совсем забыть об их убитый отец.

– Фэра, – сказал тот, – если вы будете все делать как вам скажут наши вожди, то ни вы, ни ваши дети не будут нуждаться – независимо от того, есть у вас мужчина или нет. Дети – это наше будущее, и наш клан живет только для них, а они, когда вырастут, должны сделать клан еще сильнее. Запомни мои слова и передай их другим женщинам.

– Я передать то, что ты сказал, вождь-шаман Петрович, – последовал перевод. – Мы благодарить за твоя доброта. Мы говорить через одна луна. Фэра тоже не был мужчина клан Лани. Он умереть давно-давно, рука лет назад, на большой охота. Потом Фэра стать Мудрая Женщина и больше не мочь иметь мужчина. Твой клан совсем другой обычай. Фэра будет делать как твой клан. Фэра еще раз сказать спасибо.

Сказав это, она повернулась и пошла к тем женщинам, что чистили рыбу, а Сергей Петрович задумчиво принялся хлебать свой суп. Сейчас ему удалось отложить этот брачный вопрос «на потом», но вечно так продолжаться не может. На шесть взрослых мужчин у них сейчас тридцать восемь взрослых женщин и девушек. При этом в течении ближайших семи лет в брачный возраст войдут еще двадцать семь девушек и только двое юношей – Антошка и местный паренек по имени Тэр. И хоть чисто арифметические подсчеты в этом деле неприемлемы, но соотношение полов в клане получается просто дичайшим: от шести-семи к одному сейчас и до десяти-одиннадцати к одному через семь лет. При этом Тэру в невесты годились только самые младшие из полуафриканок, или девушки из других кланов, что еще больше осложняло ситуацию. Тут надо было думать, и думать крепко, подключить к этому вопросу женсовет и в первую очередь его признанную главу Марину свет Витальевну.

Доев обед и помыв за собой посуду, Сергей Петрович отозвал ее в сторону и кратко изложил ей свои соображения по брачной политике.

– А чего ты хотел, Петрович? – спросила она его в ответ. – Если уж залез на бешеную лошадь – то скачи и не ной. Кстати, на моего Антона можешь не рассчитывать. Мужчина-то он еще хоть куда, но силы у него уже не те. Заездят его молодые лошадки насмерть, что тогда будешь делать без геолога, металлурга и кузнеца?

– Марина, – простонал глава клана, – но хоть двоих к себе еще возьмите...

– Ты, Петрович, – с укоризной сказала та, сверля его своими темными глазами, – говоришь так, будто приبلудных котят раздаешь. Совсем заработался фанатик. Ты подумал о том, что тут важно не только наше с Антоном согласие, но и желание тех девиц, которых ты нам сватаешь? А у них по этому поводу может быть свое мнение, совершенно отличное от твоего. Я бы еще взяла в компанию эту Фэру, женщину, по местным понятием, уже в летах, спокойную и рассудительную, но она ведь уже положила глаз на тебя, красивого, и переубеждать ее будет бесполезно. Нам еще только браков по принуждению не хватает для полного счастья. И сразу тебе скажу – местные бабы будут при первой возможности стремиться замуж – неумолимо, как лосось, идущий на нерест. Это у них на уровне инстинкта, еще не отбитого веками цивилизации. Могу обещать тебе лишь одно – что соберу всех наших девок и перетру с ними вопрос во всем его многообразии. Если эту ситуацию вообще возможно разрешить ко всеобщему удовольствию, то мы это сделаем.

– Вот за это спасибо, – сказал Сергей Петрович, – Кстати, Гуг тут уже присмотрел себе невесту, и она вроде тоже положила на него глаз. Я уже сказал Маре, чтобы та тихонько послала ее к тебе на первичный медицинский осмотр. А вдруг ей еще рановато замуж?

– Правильно сделал, – кивнула женщина, – нам еще только смертности от ранних родов не хватает. Кстати, а что нам делать с беременными? Им сейчас не о мужиках надо думать, а о том, как выносить, родить и выкормить ребенка.

– Думаю табуировать их на год или даже на два, – серьезно сказал Сергей Петрович. – Шаман я или не шаман?!

– Вот видишь, – усмехнулась женщина, – а ты боялся. Для того чтобы съесть слона, его сперва нужно разрезать на множество маленьких кусочков. Будем решать проблемы по мере их возникновения.

Сразу после обеда одновременно случилось несколько событий.

Сначала части рабочей бригады полуафриканок раздали новые юбочки, топики и шляпки. При этом Ляля гарантировала, что до вечера одеты будут уже все.

Потом Антон Игоревич показал Петровичу образчик своего сапожного творчества. Еще одно огорчение. Представленная пара по своим кондициям больше напоминала комнатные тапочки. Мужчины клана Ланей в основном охотились на лесных оленей разных видов, а также лошадей. Их шкуры прекрасно подходили для изготовления одежды и обуви типа мокасин, но были недостаточно жесткими и грубыми для изготовления башмаков с твердой подошвой. Имеющаяся у клана Прогрессоров шкура молодого бычка была чуть получше, но тоже не дотягивала до требований Антона Игоревича. Тут была необходима шкура взрослого, заматеревшего животного. Если полуафриканкам предстояло в будущем заниматься земляными работами, то без деревянной, а именно дубовой, основы в качестве подошвы не обойтись.

Так эти двое мужчин разговаривали между собой, а тем временем усталой и голодной, но весьма довольной толпой заявили с рыбалки Антошка и его малолетняя рыбацкая артель – главные добычки сегодняшнего дня. У Сергея Петровича даже зарябило в глазах. Рядом с Антоном шел его ровесник мальчик Тэр и три девочки Ланей примерно их же возраста. Вперемешку с ними – четыре девочки-полуафриканки из самых младших. Все тащат карповые удилища, сачки и пойманную рыбу. Чуть поодаль – два мальчика Ланей помладше с большими связками рыбы последнего улова. Словом, полная идиллия.

Мимоходом Петровичу подумалось – сколько же в этой первобытной Гаронне должно быть сейчас рыбы, что сколоченная неугомонным Антоном-младшим детская артель смогла играючи накормить ею весь клан? Они что там – таскали ее одну за одной? И как пацану вообще удалось собрать и подружить всю эту разноцветную компанию?

Ведь только вчера эти светлокожие дети клана Лани были захвачены голодными людоедами и в смертном ужасе ожидали своей последней минуты; потом ситуация перевернулась с точностью до наоборот, и точно такой же ужас на какое-то время пришлось пережить и юным полуафриканкам. А потом они брели, связанные, слепые и беспомощные, по дороге в иной мир за своим потусторонним поводырем, и в конце пережили шокирующую переинициацию, которая изменила и их самих, и взгляд на них со стороны.

Если шаман сказал, что это теперь другие люди – значит, другие, и точка. С шаманом не спорят. А может, на них так повлияло отсутствие угнетавшего их психопата Шамэла, который исчез, растворился, сгинул бесследно и больше никогда не появится и не будет им угрожать? А может, причиной тому сам Антон-младший, послуживший центром консолидации этой команды, и занявший ее таким делом, которое позволило им чувствовать свою значимость наряду со взрослыми? А может, все-таки дело и в том, и в другом, и в третьем?

Перехватив взгляд Сергея Петровича, направленный на юных полуафриканок, Марина Витальевна нахмурилась и уперла руки в боки.

– Не отдам, – тихо сказала она, – что хочешь делай, а не дам я тебе их мучить! Они же дети, а не какие-то там ужасные существа, которых надо вести через огонь, воду и медные трубы. Бедненькие цыплятки...

Тот в ответ только пожал плечами.

– Не отдашь – и не надо, – так же тихо сказал он. – Если ты так хочешь, то теперь они полностью на твоей ответственности. Воспитавай из них настоящих женщин нашего клана. Кстати, тех девочек, что сегодня работали с Лялей и Антоном Игоревичем, ты тоже заберешь себе?

– Не знаю, – вздохнула та, – эти – самые маленькие оттаяли почти сразу. А те, что постарше, до сих пор какие-то потерянные. Но на твоей каторге им все равно делать нечего. Лучше им там не станет.

– Хорошо, тогда займи их здесь. Но только так, чтобы у них не было времени даже поднять головы. Как увидишь, что их потерянность проходит, понемногу начинай отпускать вожжи.

Как только малолетняя рыбацкая команда закончила обед, Ляля приступила к обещанному уроку русского языка. К удивлению Сергея Петровича, кроме полуафриканок, для которых занятия были обязательны, в тени под ивами расселись все женщины Ланей до единой, вместе со своими детьми, и даже беременная Нита по-турецки села на траву, водрузив на колени свой огромный живот.

Едва только Ляля начала называть первые слова, показывая на окружающие предметы, как к пляжу подошел «Отважный», на палубе которого стояли физрук, его супруга, а также шестеро старших женщин клана Лани, ходивших вместе с ними к своей бывшей стоянке. Петрович с удивлением отметил, что кроме них на «Отважном» находились Сергей-младший и Гуг, у ног которых лежала туша, в которой он опознал молодого лося. Сзади за судном на буксире тянулись два долбленых челнока и восемь кожаных пирог, тоже груженных каким-то скарбом. Вероятно, подумал учитель, Лани решили взять не только свое, но еще и разграбить брошенное имущество побежденных.

Урок языка мог быть сорван в самом начале – народ начал было уже вставать со своих мест, но Андрей Викторович, цикнув на них, махнул рукой, приказывая Ляле продолжать занятия.

– И тут тоже школа, – тяжело вздохнула Лиза.

– Да, Лизунчик, – строго сказал ее ненаглядный, – тут тоже школа. И пусть ты теперь замужняя женщина, но учиться у меня будешь только на одни пятерки.

Едва учитель физкультуры сошел на берег, как тут же столкнулся с коллегой. Первым делом он окинул взглядом внимательно слушающих Лялю женщин и детей, развешанную между палками на просушку рыбу, юных полуафриканочек в кокетливых костюмчиках и соломенных шляпках, кухонный котел и стоящую рядом уперев руки в боки Марину Витальевну с большой поварешкой. Все увиденное он прокомментировал лишь одобрительным хмыканьем.

– Отчего задержались? – спросил главный прогрессор.

– Да Серега с Гугом опять начудили, завалили лося в болотце у устья Дальнего и не знали, как эту тушу оттуда вытащить. Ну, тут как раз мы мимо шли и их подобрали. Пока возились, часа два прошло, – Андрей Викторович вздохнул и спросил, – пожрать что-нибудь осталось?

– Осталось, осталось, – крикнула повариха, – иди сюда сам и тащи своих путешественников – накормлю до отвала. Готовила с запасом.

Утолив голод, мужчина отодвинул в сторону миску и сказал:

– Ну, колитесь, что тут произошло? Уезжал, все было тихо и спокойно, возвращаюсь – и нахожу один сплошной бедлам и тарарам. Это кто столько рыбы-то наловил, неужто один Антошка?

Пришлось Марине Витальевне подробно рассказывать об интернациональной молодежной рыболовецкой бригаде, отличившейся столь блестящим успехом.

– Вот, – сказал отставной прапорщик, дослушав до конца, – отчего я уважаю людей, не сидящих сложа руки, а в меру своих слабых сил, тоже налегающих на весло. Антошка себя еще в пути неплохо показал, не жаловался и не капризничал, вел себя как настоящий мужчина, а тут, значит, проявил все свои таланты... Предлагаю объявить ему благодарность в приказе, присвоить звание младшего сержанта и заодно наградить орденом Дружбы Народов.

– Младшего сержанта присвоить ему можно, – кивнул Сергей Петрович, – сержант из него выйдет получше, чем из Валеры.

– А что так?

– Мягковат он маненько. Но так как на этой должности альтернативы Валере нет, то я приставил к нему переводчицей Дару, она-то контингент в основном и гоняла.

– Да, – сказала заведующая пищеблоком, – что Дара, что Мара – две маленькие стервочки с еще тем характером. Своего не упустят, на Валерке ездят буквально верхом. Но место свое они знают и выше головы не прыгают.

– Да ладно тебе, Витальевна, – махнул рукой отставной прапорщик, – если взять поправку на менталитет и происхождение, то нормальные они бабы, таких еще надо поискать. Лучше скажи, что у нас еще нового?

Ну, тут-то и были изложены соображения по перспективам, ожидающим их в недалеком будущем на семейном фронте. Навострившая ушки Лиза при этом даже ложку в миску уронила.

– Мда... – сказал Андрей Викторович, почесывая в затылке – одиннадцать молодых баб на одного мужика – просто мечта прыщавого подростка. Но ничего, Лизунчик, ты у меня всегда будешь любимой женой.

– Ну вот, – надувшись, сказала девушка, – я думала, что кроме меня у тебя их будет двое-трое, а тут оказывается, что целых десять. Ужас!

– Постарайся быть умницей, Лиза, – сказала Марина Витальевна, – в данных обстоятельствах наш клан просто не может позволить себе ничего иного. Женщины должны рожать, а дети должны знать своих отцов. Если другие женщины в семье будут для тебя, Ляли, Кати, Дары и Мары помощницами, подругами и союзницами, то все у нас будет хорошо, а если вы будете видеть в них соперниц или, не дай Бог, врагов, то наш клан не продержится и пары лет. Поняла?

– Да, Марина Витальевна, – кивнула Лиза, вздохнув, – я постараюсь справиться.

– Ну вот и хорошо, – сказала та, – после ужина собери всех наших девчонок и подходи ко мне. Будем думать над этим вместе.

После завершения урока языка Сергей Петрович, подключил инструменты к корабельному генератору и начал обустройство летней столовой. В его плане на первом этапе были врытый в землю стол метровой ширины и длиной в тринадцать метров, а также огибающая его по периметру скамья. Удобства – минимум, но все равно лучше, чем сидеть просто на земле.

Полуафриканки в данном деле больше путались под ногами, чем помогали. Еще не имея подходящей обуви, они не могли даже копать ямы под столбы. Оставив себе четверых, самых старших, для «подай-принеси-подержи», остальных Петрович направил веером по окрестностям – собирать камни для очага, размером примерно с человеческую голову.

Работали в основном сам Сергей Петрович, Андрей Викторович, Сергей-младший, Валера и Гуг, а Лиза снова варила на костре мездровый клей, но на этот раз совсем немного. Женщины Ланей и младшие полуафриканки снова разошлись по своим рабочим бригадам – кто шить, кто плести шляпки, а те, что до обеда занимались рыбой, принялись за потрошение и разделку добытого лося. Работа для них вполне привычная, но со стальными ножами спорилась она куда быстрее, чем обычно. Часть парного мяса отложили на ужин, а остальное, нарезав длинными узкими лентами, развесили вялиться рядом с рыбой. Даже дети были при деле; вооружившись сломанными ветвями, они отгоняли от продовольственного запаса назойливых

мух. Время от времени они бросали любопытные взгляды в ту сторону, где шаман Петрович, призвав Духа Молнии, снова сосредоточенно творил очередное свое колдовство.

Жужжала электрическая ножовка, визжали дрель и рубанок, стучал молоток, снова взмокшие от пота полуафриканки подтаскивали работникам доски, металась с банкой клея Лиза; и вот часа через три все было кончено. Собранные из гладко оструганных досок в шип и на нагелях, стол и скамьи стояли на лужайке прочно, как будто были тут всегда.

Выключив инструмент, Сергей Петрович устало присел на скамью и, довольный, окинул взглядом творение своих рук, а также громоздящуюся неподалеку кучу камней.

– Ну вот, – сказал он, улыбнувшись, – вот это я понимаю, товарищи, – цивилизация! А то ели на земле, как какие-то дикие люди.

Немного подумав, он решил, что камней собрано уже достаточно, и больше никаких работ до ужина затевать не стоит. А потому вся подсобная команда была отправлена к заводу мыться и приводить себя в порядок, ибо хуже потной женщины бывает только грязная потная женщина. После купания последние из полуафриканок получили свои юбочки, топики и тростниковые шляпки, и стали выглядеть хоть и экзотично, но уже не так шокирующее. На очереди был вопрос с обувью.

Ужинали, можно сказать, по-королевски, сидя на скамьях и за столом. Местным еще было немного непривычно – они ерзали, елозили ногами и издавали восхищенные восклицания. Они признавали, что так гораздо удобнее, а выходцы из двадцать первого века так просто наслаждались комфортом.

После ужина, немного посоветовавшись, решили разделить полуафриканок. Старшие будут жить с Сергеем Петровичем, Андреем Викторовичем, Лялей и Лизой на стройке, а младшие останутся в береговом лагере с Мариной Витальевной. Туда же, на стройку переезжали и Валера с Дарой, оставляя пока Мару с ее младенцами в береговом лагере.

Распорядившись погрузить их постельные принадлежности в кузов УАЗа, который коллега собирался подогнать попозже, учитель построил свою команду и строем повел ее на стройку. Была у него мысль использовать два часа, оставшихся до темноты, для устройства примитивных деревянных лежаков, ибо спать на земле вредно. Доски есть, остатки клея есть, руки есть – так почему бы не сделать людям приятное и полезное...

К тому времени, когда багровое солнце упало прямо на край горизонта, а на стройку подъехал УАЗ с Андреем Викторовичем, Лялей, Лизой и кучей барахла в кузове, сделано было многое, но далеко не все. Впрочем, деревянных щитов, просто настеленных поверх двух сорокасантиметровых брусьев, на первую ночь было достаточно, остальное можно сделать и завтра. Сверху щитов разложили тростник, поверх него настелили шкуры – и спальное ложе было готово. Теперь главный прогрессор не опасался, что кто-то из его подопечных застудит почки или захворает простудой по женской части.

А вечером, на дежурстве у костра, у него состоялся обстоятельный разговор с супругой. В отличие от Лизы, она восприняла новость о грядущем расширении семей куда спокойней, и они договорились, что вместе будут подбирать в их семью новых жен и вместе поддерживать в ней мир и порядок. Узнав, что первая кандидатка во вторые жены уже есть, Ляля одобрила ее, сказав, что Фэра – это своя знахарка в семье. Такая жена будет совсем не лишней, особенно если эта семья будет такой большой, как это предполагают обстоятельства. Тем более что женщина она тихая, скромная и незлая, обладающая к тому же довольно незаурядным умом.

* * *

3 июля 1-го года Миссии. Понедельник. День сорок восьмой. Пристань Дома на Холме

Жизнь шла своим чередом – с утра подъем, пробежка до берегового лагеря, где проходил общий сбор. Потом народ строился на зарядку, за ней следовала еще одна пробежка до Дальнего и обратно, мимо белеющих в траве костей. Потом водные процедуры в заводи у причаленного «Отважного» и завтрак.

Сергей Петрович заметил, что именно завтрак был для полуафриканок главным действием утра. Если все остальное они выполняли по обязанности, не сачкуя, но и не вкладывая в это душу, то во время еды они просто священнодействовали. Голод, этот постоянный спутник первобытного человека, теперь отступил и обходил их далеко стороной; теперь они могли отдать дань и вкусу еды, и чувству наступившей блаженной сытости, а не жрать, набивая брюхо, подобно диким зверям.

Ели они одновременно со всей рабочей бригадой, и ели то же и в том же количестве, что и вожди, и никто их не подгонял и не вырывал кусок изо рта. Это было непривычно, как и сидение на скамье за столом. Но кто сказал, что новая жизнь, которую им обещал шаман, должна была быть хоть чем-то похожа на то, как они жили прежде? Сначала у них отобрали все, даже имена, потом, постепенно, в их жизни по воле того же Петровича стали появляться совершенно новые и тоже непривычные вещи.

Каждый следующий день сдвигал их положение к лучшему. А самое главное, Петрович строго следил, чтобы в их сторону не было никакого пренебрежения, и особо тщательно инструктировал по этому поводу Дару, чтобы та особо не задирала нос.

После завтрака он распорядился, чтобы Валера строил свою команду и вел ее на стройку. Чуть позже туда же должны были подойти геолог и Ляля со своими швеями, которые завтракали во вторую смену. Обувать «контингент» решили прямо на месте, без отрыва от производства. Придя на рабочее место, Сергей Петрович в первую очередь проверил устойчивость каркаса. Все стояло как влитое. Приказав налить под каждый столб еще по полведра воды, он запустил генератор, а потом, сказав шестерым, самым старшим, женщинам оставаться на месте, повел остальных на просеку, где указал вытаскивать с обочин отсеченные ветви деревьев и вырубленный подрост, раскладывая это на солнцепеке. Дуб отдельно, все прочее дерево отдельно. Дело в том, что температуры горения дубовых дров было уже достаточно для обжига известняка, а сосну и прочее дерево предварительно требовалось пережигать на древесный уголь.

Вернувшись к каркасу цеха, Петрович еще раз осмотрел фронт работ. Сегодня первым делом, еще до того как заняться кровлей, было необходимо сначала собрать верстак, готовые детали которого уже давно ждали своего часа. Когда сюда придет обувная команда, у нее уже должно было быть готово удобное рабочее место.

С верстаком управились за полчаса. Когда есть самый разнообразный инструмент, а детали изготовлены заранее, эта работа не представляла сложности. Только они закончили, как на тропе показались Андрей Викторович, Антон Игоревич, Ляля, Лиза и четыре девушки из бывшего клана Ланей, тащившие свернутые в рулоны шкуры.

– Так, – сказал учитель Валере, – на сегодня назначаю тебя помощником Антона Игоревича. Пока мы с Андреем Викторовичем будем работать на крыше, ты будешь делать для него деревянные подошвы.

Еще в береговом лагере они с геологом решили, что лучшим вариантом обуви будут комбинированные сабо без задников – деревянная подошва и кожаный верх. Конечно, с учетом местной специфики, на очень низком и широком каблуке. Петрович нарисовал Валере профиль будущих заготовок, и тот приступил к работе.

Первая пара заготовок у него была готова минут через пятнадцать, когда усилиями двух вождей кровельные доски уже были рассортированы по ширине, и к краю будущей крыши подтащена стремянка, а команда Антона Игоревича и Ляли разложила на верстаке свои инструменты и кожи.

– Готово, Сергей Петрович, – сказал Валера, показывая две деревяшки, пока напоминающие подошву обуви только в профиль.

Осмотрев изделия, показал Валере, где еще надо подправить, а потом поманил к себе бывшую Алохэ.

– Анна, – сказал он, – да, да, ты. Иди сюда, не бойся, это не больно.

Дара перевела, и та подошла, опасливо смотря на разложенную на верстаке пилу, ножи, шила, иглы и прочий инвентарь.

– Валера, смотри, – сказал мужчина, – показываю первый и последний раз. Ставишь ее ногу на заготовку, подгоняешь подъем точно по своду стопы, потом обводишь ступню карандашом, а после этого тебе, как товарищу Фидию, только остается отсечь ножовкой все лишнее, зашлифовать кромку и передать клиентку Антону Игоревичу.

Пока он проделывал с ее ногами все эти манипуляции, Алохэ-Анна стояла, закрыв глаза и сжав зубы, будто ожидая неожиданной боли. Но ничего страшного не произошло. Шаман ушел, а Дара сказала, чтобы она пока постояла рядом.

Еще минут через пятнадцать все было готово. Сабо получились что надо: деревянная плавно изгибающаяся подошва с низким широким каблуком, широкий кожаный мысок, оставляющий открытыми пальцы, и два сыромятных ремешка, переходящих в плетеные косичкой шнурки, которые охватывали щиколотку и завязывались спереди бантиками.

– Иди, – сказала Дара Алохэ-Анне, когда Антон Игоревич завязал на ее ноге последний шнурок.

– Ой! – сказала та, делая первый шаг и подскакивая, – Ай! – сказала она, делая второй, и глядя на свои ноги. Ну прямо театр одного актера! Другие полуафриканки, вытянув шеи, так и застыли с поднятой над головой доской, и в их глазах светилась только одна мысль: «Заколдовали». А Алохэ-Анна продолжала свои кульбиты – что ни шаг, то удивленный вскрик.

Отставной прапорщик, глядя на это представление, чуть с лестницы не загремел от сдерживаемого смеха, а девчонки-швеи со своих чурбаков от хихиканья. Но тут с крыши раздался громкий глас Петровича, от которого полуафриканки вжали головы в плечи, а хихикающие девицы-Лани сразу смолкли. Алохэ-Анна, сделав еще несколько шагов, почти освоилась со своей обновкой, и лишь изредка посматривала себе на ноги, чтобы убедиться, что диковинная обувь никуда не делась. На лице ее цвела улыбка.

Изготовление следующих пар уже не вызывало такого ажиотажа. Дара просто подзывала одну из еще босых женщин, та терпеливо сносила все манипуляции, и уходила уже обутая довольная, не выкидывая каких-либо коленец. Через некоторое время провели ротацию личного состава, отправив на просеку шестерку обутых и приведя оттуда босоножек.

Тем временем, доска за доской, росла деревянная кровля цеха. Сергей Петрович стелил доски внахлест, как черепицу, закрепляя их за балки нагелями. Когда Марина Витальевна застучала на обед, Петрович и компания успели перекрыть ту половину крыши, что над генератором, и перетащить лестницу и инструменты на другую сторону. А одиннадцать полуафриканок щеголяли в новеньких кожано-деревянных сабо.

– Девочка говорить, – сказала Дара, кивая на девушек-Ланей, – они тоже хотят себе такая штука.

Сергей Петрович только пожал плечами. Очевидно, что по летнему времени традиционная обувка местных не шла ни в какое сравнение с компактными и практичными сабо. В их чулках-моксах должно быть жарковато, а через мягкую кожу под ступней чувствуется, вероятно, каждый камешек.

– Хорошо, – сказал он, – но только тогда, когда они закончат работу.

А вообще-то старшие женщины были более консервативны. Те же Лани, которые помоложе, хотели уже всего и сразу: «юбочка», «трусика», «топика», «шапочка», и вот теперь еще и сабо. Ну и что, что лето кончится и наступит осень? Вот когда наступит – тогда и наденем

свое, отечественное, а пока и в этом от кутюр куда удобнее. Июль, он ведь и в ледниковый период июль. Бедные девушки и не догадывались, что зимней кутюр будет такой же шикарный и удобный, а может быть, даже и шикарнее.

Собрав всю свою команду, учитель повел ее на обед. Глухо стучали по земле деревянные подошвы сабо мерно шагающих полуафриканок.

– Ну вот, – мимоходом заметил физрук, – теперь с ними можно заняться и строевой подготовкой.

– А вот это, Андрей, уже лишнее, – сказал его товарищ, – не до того нам сейчас.

Тот хмыкнул, собираясь было возразить, но этот разговор так и повис в воздухе, потому что, придя в лагерь, они обнаружили там настоящий бедлам. Еще издали было заметно, что на берегу нет обычного порядка. Женщины Ланей сбились в кучу и о чем-то спорят с Марой (причем ведут себя довольно агрессивно), на скамейке в позе умирающего лебедя сидит бледная Катя, а Марина Витальевна, вооруженная своим черпаком, стоит у котла чернее тучи, уперев руки в боки.

Навстречу им из лагеря выскочила Марина-младшая.

– Марина, что случилось? – спросил ее встревоженный Сергей Петрович.

– Сергей Петрович, Андрей Викторович! – закричала девочка, – там Тэр побил нашего Антошку!

– Какой Тэр? – сразу не понял Сергей Петрович. – Это тот, с которым они вчера вместе рыбачили?

– Ну да! – кивнула Марина-младшая. – Идите скорее, Антошке очень плохо, а там все кричат.

– Вот! – прорычал Андрей Викторович, набирая ход, как идущий в атаку шерстистый носорог. – Долиберальничали! Твою же, в бога душу мать!

– Андрей, ты только не буйствуй, не наломай с ходу дров, – на бегу прокричал Сергей Петрович, – сначала нам надо как следует разобраться.

– Сейчас придет Серега, – ответил тот, немного сбавив ход, – и за Катиного братишку сам разберется с этим Тэром. Ноги будут здесь, а голова в кустах за речкой. Ты его знаешь!

Женщины так увлеклись спором, что даже не заметили двух приближающихся быстрым шагом вождей, за которыми как мог поспешал Антон Игоревич. Лани наседали, Мара, защищаясь, отступала. Недолго думая, Андрей Викторович сорвал с плеча «Сайгу» и шарахнул из нее в воздух.

– А ну тихо! – заорал он.

Как ни странно, но Лани его поняли даже без перевода, и вокруг наступила полная тишина. Только было слышно, как всхлипывает уткнувшая лицом в бок Марине Витальевне маленькая полуафриканочка.

Мужчины огляделись. Антошка неподвижно лежал на скамье лицом вверх, и вокруг его левого глаза расплывалась огромная багрово-сизая гематома. Рядом со скамьей на коленях стояла светловолосая девочка Ланей, держащая Антошку за руку. Еще одна светленькая девочка, чуть постарше первой, размазывала кулачком по лицу слезы. Три смугленькие полуафриканочки и одна девочка Ланей испуганно выглядывали из-за спины Марины Витальевны, утешавшей их плачущую подружку.

– Что с ним, Витальевна? – спросил Сергей Петрович.

– Сотрясение мозга, – ответила та. Было видно, что и она тоже не на шутку взволнована. – Когда девочки привели сюда Антошу, его сразу начало рвать, а потом он потерял сознание.

– Так, – сказал вождь, – Мара, быстро давай сюда всех, кто видел, как было дело.

– Вот, Петрович, – быстро сказала Мара, – Вета видел, Лата видел, Сиба видел, тот черный девочка тоже все видел.

– Так, – еще раз сказал Петрович, присаживаясь на скамью и поворачиваясь лицом к самой старшей из девочек, – ты, давай рассказывай, как было дело, а ты, Мара, переводи.

Девочка, которую звали Ветой, начала, волнуясь и возбужденно жестикулируя, рассказывать, и перед тремя вождями приоткрылась картина этого чрезвычайного происшествия.

Дело, по ее словам, было так. Дети, как и в прошлый раз, рыбачили в устье Ближней. Из-за чего там у Тэра с одной из полуафриканочек вышла ссора – никто не понял, но мальчик сперва рванул ее за топик, поставив на колени, а потом ударил девочку раскрытой ладонью по лицу. Антон попытался оттолкнуть хулигана и встать между ним и его жертвой, но получил нанесенный со всей силы удар кулаком в глаз, а после того как упал, еще удар ногой по голове.

Потом то же самое повторила и вторая девочка. Она подтвердила, что Антон не бил Тэра, а только отталкивал. При этих словах женщины Ланей зашумели, но Андрей Викторович сделал такое «доброе» лицо, что снова наступила тишина. Третья, самая младшая девочка, наотрез отказалась выходить из-за спины Марины Витальевны. Спрашивать что-то у полуафриканочек было бессмысленно – ни русского, ни языка северных равнин они не понимали, а звать сюда Алохэ-Анну и вовлекать ее в эти разборки Сергей Петрович не хотел. Он только попросил Марину Витальевну повернуть плачущую девочку к нему лицом и, увидев потеки крови из носа и опухшую щеку, мрачно кивнул. Дело было ясным.

– Итак, – сказал он, – суд заслушал показания свидетелей. Андрей, что ты можешь сказать по поводу всего случившегося?

– Начнем все сначала, – сказал тот. – Нанесение побоев незащитной девочке, находящейся под опекой нашего клана. Наказание – пять горячих. Нападение на члена клана и нанесение ему телесных повреждений. Наказание – изгнание. Неблагодарность по отношению к клану, спасшему его жизнь и дающему ему пищу. Наказание – изгнание. По совокупности содеянного, наказание – изгнание.

Петрович повернул голову в сторону Марины Витальевны.

– Теперь ты, Витальевна, – сказал он.

– Но он же еще ребенок... – растерянно произнесла женщина.

– По первому и второму пунктам обвинения, – сказал глава клана, – данное обстоятельство могло бы быть принято во внимание как смягчающее вину. Не будь он нам ничем обязанным, отделался бы просто поркой. Но неблагодарность – это такое преступление, которое в наших условиях может караться только высшей мерой.

– Правильно, – сказал геолог, – если оставить этого маленького мерзавца с нами, то он по праву сильного начнет третировать Антошку, когда мы не будем этого видеть. И, рано или поздно он его убьет.

– Ох, мальчики, – вздохнула Марина Витальевна, – что же вы делаете?

– Мы делаем то, что должны делать, – сурово сказал Сергей Петрович. – Итак, властью шамана и верховного судьи приговариваю мальчика Тэра к изгнанию из клана навсегда.

Выслушав перевод, женщины Ланей снова зашумели.

– Тихо! – рявкнул на них шаман, – я еще не закончил говорить! Исполнение наказания откладывается до достижения мальчиком Тэром совершеннолетия. В случае совершения какого-либо повторного проступка против членов клана или лиц и существ, находящихся под его защитой и опекой, мальчик Тэр будет немедленно убит. Табу на разговор с ним до наступления дня середины зимы. Он может говорить только с Мудрой женщиной – если заболит, или со мной – если найдет что сказать. Он не имеет права подходить ни к кому из детей ближе, чем на бросок камня, он будет жить и есть отдельно от всех, и делать в клане самую тяжелую и грязную работу, которую для него буду определять лично я. Он будет жить, но об этом еще не раз пожалеет. Если по достижении им совершеннолетия мы увидим, что он излечился от своей неблагодарности, то мы сможем снова рассмотреть его дело и принять мальчика Тэра обратно в наш клан. На этом с мальчиком Тэром все.

Шаман Петрович обвел взглядом притихших женщин бывшего клана Ланей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.